

ДРУЗА
стихи
ЛЕНИНГРАД
1990

Издано по инициативе и на средства Северо-Западного
территориального правления Всесоюзного научно технического
геологического общества составитель **Т.Л. Овсова**

Светлой памяти составителя.

В 2020 г. мне попала в руки эта книга в бумажном издании. Попытался найти ее в Интернете и получил только сообщение о том, что доступна только бумажная версия документа и только в Москве. Попытался найти стихи составителя сборника Татьяны Овсовой. И на сайте "Ленинградский геофизик" открыл несколько стихотворений. Считаю, что прекрасная "Друза" будет интересна многим, особенно выпускникам Ленинградского Горного института. Попытался просто отсканировать ее, но качество оказалось неудовлетворительным. Владелец запретил мне расшивать книгу, и поэтому получилась большое количество затемнений в центральной части. Пришлось воспользоваться "Файн Ридером" и перевести текст в формат WORD. Конечно, с потерей всей прелести оригинала с многочисленными иллюстрациями. Возможны и опечатки, за которые прошу прощения у читателей. Но считаю, что и этот вариант будет интересным, пока его не заменит другой с более удачным сканированием.

С.Г. Алексеев (2020 г.)

ОБ АВТОРАХ (в скобках – номер страницы в данной публикации)

АСТАФЬЕВ Николай Федорович (4) — Младший научный сотрудник кафедры литологии. Динамической и морской геологии Ленинградского горного института. Выпускник Ленинградского государственного университета. Работал в Западной Сибири и военным корреспондентом на Дальнем Востоке. Печатался в многотиражных газетах, в поэтическом сборнике «Моя магистраль».

БЕРТЯЕВ Юрий Федорович (7). Родился в 1948 году. Физик. Геофизик. Работает в НПО «Рудгеофизика».

ВОРОНОВ Павел Стефанович (7) — Геолог, профессор Ленинградского горного института, доктор геолого-минералогических наук.

ГАЛУСТЬЯН Эммануил Лютерович (11) Работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте маркшейдерского дела и горной геомеханики.

ГОЛЫНКО Инна Нахмановна (11). Область профессиональных занятий — геохимия и математические методы в геологии. Интересы за пределами профессии — в гуманитарной сфере.

ГОРШКОВ Лев Капитонович (14) Родился в 1940 году. Окончил Ленинградский горный институт. Буровик, работал во всех концах света — от Норвегии до Берингова пролива и Средней Азии, в Австралии и Антарктиде. Заведующий кафедрой строительной механики Ленинградского горного института.

ЕГОРОВ Эдуард Владимирович (17) — Старший научный сотрудник НПО «Рудгеофизика». Физик, окончил политехнический институт. Автор 9 изобретений и около 90 научных публикаций. Во время войны учился в школе интернате №314 Ленинграда.

ИВАНОВ Алексей Николаевич (19) родился в 1965 г. геофизик, занимается инженерно-геофизическими работами, исследованием физических свойств горных пород

ИЛЮХИН Владимир Сергеевич (19). Родился в 1953 г.. Окончил Ленинградский горный институт, геофизик. Работал в районах Карелии, Норильска, Таймыра, Забайкалья, Колымы.

КАПЧЕНКО Логин Назарьевич (22). Родился в 1936 г. в восточной Латгалии. После окончания Ленинградского горного института работает во Всесоюзном научно-исследовательском нефтяном геолого - разведочном институте (ВНИГРИ). Доктор геолого-минералогических наук. Участвовал во многих экспедициях — от Карпат до Владивостока.

КОРМИЛИЦЫН Василий Сергеевич (24) - Родился в 1921 году. Выпускник Ленинградского горного института. Специалист по металлогении и геологии рудных месторождений, доктор геолого-минералогических наук. Доброволец Ленинградского народного ополчения, участник боев под Ленинградом и в Прибалтике.

КУЛЯМИН Леонид Николаевич (25) — Выпускник Ленинградского горного института, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры литологии, динамической и морской геологии ЛГИ. Неоднократно участвовал в научно-исследовательских работах в Балтийском и Черном морях, в Тихом океане. Автор ряда очерков и статей в «Горняцкой правде», в сборнике «Человек. Море. Техника».

ЛЕДНИК Лидия Николаевна (26) Живет в Минске. Работает в Комплексной геологической экспедиции ПО "Беларусьгеология".

ЛЕВЕНБЕРГ Елена Аркадьевна (26) — Ленинградка, живет на Васильевском острове. Геофизик. Занимается обработкой данных на ЭВМ. Работает в НГО «Севзапгеология».

МАНУЙЛОВ Константин Викторович (27) - Окончил геофизический факультет Ленинградского горного института. Работает в сфере математических и физических наук.

МАРЧЕНКО Алексей Григорьевич (27) Окончил геофизический факультет Ленинградского горного института. Кандидат геолого-минералогических наук, специалист в области математической обработки геохимической информации. Кроме опубликованных в сборнике "Друза", в данную подборку включены и другие стихи из книги «А.Г. Марченко. Листья, разлетающиеся с моего дерева. Стихи разных лет. – СПб: Издательство «Лема», 2014».

МАСЛОВ Валерий Георгиевич (37) Родился в 1960 году в Архангельске. Работает в Невском ПГО. Автор - исполнитель песен, тексты которых публикуются впервые.

МЕДВЕДЕВА Ванда Алексеевна (38) Родилась в Ленинграде. Инженер-конструктор. Печаталась в ленинградских газетах «Смена», «Ленинские искры», «Лужская правда» и других, в сборнике «Половодье».

МОСКОВСКАЯ Людмила Фоминична (40). В 1963 г. окончила физический факультет Ленинградского государственного университета. Работает в НПО «Рудгеофизика».

ОВСОВА Татьяна Леонидовна (43). Работает в Ленинградском горном институте. Научные интересы — в области минералогии и геохимии. Не мыслит жизни без полевых экспедиций.

ОДЕССКИЙ Игорь Абрамович (46). Выпускник Ленинградского горного института. После окончания аспирантуры работал ассистентом, а позднее — доцентом на геолого - разведочном факультете ЛГИ. Литолог.

ОЛЕЙНИКОВ Александр Николаевич (48) Родился в Ленинграде. В 1957 году— первая публикация стихов в журнале «Юность». Автор многих работ в области геологии, информатики и лингвистики. Доктор геолого - минералогических наук, профессор.

ПАВЛОВ Александр Николаевич (51), 1933 года рождения. выпускник Ленинградского горного института, в качестве инженера-гидрогеолога работал на Кавказе, севере Русской равнины и Дальнем Востоке. Профессор, заведующий кафедрой литологии, динамической и морской геологии ЛГИ.

ПОПОВ Виктор Евгеньевич (51) - Выпускник Ленинградского горного института, специалист в области металлогении и геологии рудных месторождений, доктор геолого- минералогических наук. Автор большого количества научных публикаций.

ПРОСКУРЯКОВ Владимир Валентинович (54) Родился в Ленинграде, после окончания Ленинградского горного института работал в геологических партиях на Кольском полуострове. С 1975 года - главный геолог ПГО «Севзапгеология».

СЕНА Лев Аронович (57) - Профессор, доктор физико-математических наук. До недавнего времени заведовал кафедрой физики Ленинградского горного института.

СИДОРЕНКО Виктор Петрович (58) Родился в 1959 г. на станции Шурай Архангельской области. Работает в Невском ПГО.

СИЗОВ Анатолий Леонидович (58) родился в 1946 г. в Архангельской области. После окончания школы работал грузчиком, слесарем, монтером железнодорожного пути, служил в ВМФ. В 1974 году окончил Московский геолого - разведочный институт, работал геологом в Забайкалье, Хакасии, Карелии и на Кольском полуострове. С 1984 года начальник минералогической лаборатории Невского ПГО.

СОЛОВЬЕВ Владимир Васильевич (59) Геофизик. выпускник Ленинградского горного института. Живет в Геленджике. Работает в ВНИИ Океангеология.

ТАФЕЕВ Георгий Павлович (62), 1918 года рождения, окончил Ленинградский горный институт в 1941 году, участник войны, геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Государственной премии.

ТРЕЙНИС Владимир Сигизмундович (63) Родился в Ленинграде в 1925 году. Окончил горный техникум, потом Ленинградский горный институт, геолог. Много работал на Кольском полуострове, в Карелии, на Украине. Работает в ПГО «Севзапгеология».

ТУМАНОВ Владимир Леонидович (66). 20 лет назад окончил Ленинградский горный институт. Успел поработать во всех концах страны, от Чукотки до Кольского полуострова. Геофизик. Работает во ВНИГРИ.

А. ЧАЙКА (67) Родился в 1960 году в поселке Омсукчан Магаданской области. Высшее образование получил в Ленинградском горном институте. Работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте методики и техники разведки (ВИТР)

ШАФРАНОВСКИЙ Иларион Иларионович (67). Профессор, доктор геолого - минералогических наук. Около сорока лет руководил кафедрой кристаллографии Ленинградского горного института. Автор ряда монографий и фундаментальных теоретических трудов.

ШМОТКИН Владимир Васильевич (71). Родился в 1950 году в Ленинграде. Закончил вечернее отделение Архангельского лесотехнического института, инженер-механик. Работал радиомехаником, конструктором, с 1985 года главный энергетик экспедиции Невского ПГО.

ШУВАЛОВ Юрий Васильевич (73). Родился в Ленинграде в 1940 году. Закончил Ленинградский горный институт по специальности — горный инженер, доктор технических наук, профессор кафедры рудничной вентиляции и охраны труда, с 1982 года декан горного факультета ЛГИ.

ШУЛЬЦ Сергей Сергеевич (74) Родился в 1935 году. Выпускник Ленинградского государственного университета, учился на филологическом, историческом и геологическом факультетах. Старший научный сотрудник ВСЕГЕИ, кандидат геолого-минералогических наук.

АСТАФЬЕВ Н. Ф.

Осыпаются листья. — обнажается суть.
Оголенные ветви не дадут нам уснуть. —
И вздыхают. и шепчут, и стучатся в окно...
А ведь все это было. и не так уж давно!
Так же листья летели на продрогшую гладь
И тонуть не хотели, и пытались вплетать.
Но тонули, тонули — уходили ко дну.
И рябины тянулись, кровотока, к окну.
Так же тихо и плавно, среди полей не спеша.
Огибая деревню, проплывала Наша...
Это все уже было очень-очень давно.
А за что полюбилось — объяснить не дано.

***»

Красивая женщина, кто ты.
Бегущая мимо меня.
Усталая после работы
На склоне весеннего дня?

Красивая женщина, кто ты?
Откуда я мог тебя знать?
Пытаюсь прорваться сквозь годы.
Пытаюсь тебя отыскать.

Куду ты стремительно мчишься
В сплетении звездных систем.-
Вот-вот и в толпе растворишься. —
Неужто исчезнешь совсем?

РОДИНЕ

Я не пишу.
Я лишь прислушиваюсь.
Что думают и говорят, —
Служу тебе, а не прислуживаю
Уже немало лет подряд.
Я лишь стараюсь
Быть внимательней, —
Чего-нибудь не упустить. —
Писать совсем необязательно.
Вполне достаточно
Любить.

НАДЛОМЛЕННОЕ ДЕРЕВО

«Удастся ли чем
умерить мою
Гао Юаньмин

Велик народ, но как до неприличья
Обезобразили твое обличье:
Иссушены доверчивые души,
Как листья, что безумец ветер кружит,
Как корни, что не впитывают воды
На радость самых темных сил природы.
... Надломленное дерево годится
Лишь для костра, когда он разгорится.

УРГАЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Луна, как остывшее солнце.
Витает над краем земным, —

Нырятся в глухие колодцы
И трется щекою о дым.
Но все это ей неродное
И нет у ней сирых и вдов, —
Мерцает светило ночное
В полях стеариновых льдов.
Молчат бородатые сопки.
Ложится скрипучий снежок.
И где-то у станции робко
Рокочет электродвижок.
Снежинки щекоцуют и тают ...
Так было и будет вовек, —
За ночью рассвет наступает —
И утром сильней человек.
Сверкают прожекторов броши.
Составы стоят на путях ...
Еще один день нами прожит
В случайных и важных делах.
Еще один день нами прожит, —
А сколько еще этих дней? —
Никто подсказать нам не сможет
И сделать их малость длинней.
Так грустно и так беспокойно
В таежной морозной тиши.
Как будто окончились войны
И можно раскованней жить, —
Отыскивать веское слово,
Стихи шлифовать не спеша,
И верить, что снова и снова
Откроется в слове душа.
Баджал в оранжевых мехах и убелен снегами.
Опавших листьев шелуха хрустит под сапогами.
А истощенные ручьи еще стремиться в реки, —
В природе есть все то, что мы так ищем в человеке.

ПОТЯСЕНИЕ

Ничего не останется.
Кроме дара любви. —
Сердце к сердцу потянется
На руинах, в крови.
Достучится, дошепчется.
Боль свою донеся, —
Все клокочет, все мечется. —
И иначе нельзя.
А иначе — как выживем
На холодной Земле
Мы — разумные, высшие.
Что грыземся во мгле?..
Все отстроим. Поднимется
Даже тот же Спитак,
Но когда же обнимемся —
Когда жить будем
Так?

ТЫ И Я

Ты — вся из ландышей лесных.
Я — полон ветра листопадного.
Я полон грусти, ты — весны, —
И в этом что-то есть неладное.

А мы еще кресты срывали
И храмы белые взрывали
На протяжение стольких лет!
И нищету свою скрывая.
Мы искренне подозревали,
Что бога нет.
Когда же мы чуть-чуть прозрели
И поняли, что озверели, —
Природа мстит:
Она корчует наши души
За безобразия на суше, —
Авось, простит...

БРОДЯЧАЯ СОБАКА

Душа моя, — бродячая собака! —
Куда же ты, куда же ты. однако.
Бежишь и бесконечно пропадаешь, —
Чего ты ищешь, мечешься, страдаешь?

Гляжу вослед, не в силах удержать, —
Когда-то еще свидимся опять?

ЭСКАЛАТОР

Памяти художника Валерия Ваге

Возможно ли разъять
Стремление смешаться
С желанием отстать.
Присесть и отдышаться,
И впитывая жизнь широкими глазами.
Ответить наконец.
Что происходит с нами?..
Не думая о том.
Что там у нас на ужин?
Задать себе вопрос.
Зачем ты миру нужен?
И встать.
И сделать шаг.
С толпой бессмертной слиться.
Где тяжело дыша.
Оттаивают лица.

МЕТРО "АКАДЕМИЧЕСКАЯ". ПОЛНОЧЬ

Бездомная дворняга у метро
Растерянно глядит в его нутро,
И, словно ощутив свою вину.
Она протяжно воеет на луну.
Остался только запах, только след.
И двери настежь, а дороги нет ...
И не приют ей нужен, не ночлег,
А этот злополучный Человек.

ОДИНОЧЕСТВО

Какая разница, — ты и вдали, но рядом
Какая разница! — Ты рядом и ... вдали.
Где золотая середина между адом
И раем на поверхности Земли?
Мы мечемся. Из крайности одной.
Как плоть от плоти, порождая крайность.
И в глубине мы ищем только дно.

Лишь среди звезд теряя эту странность.
И в жажде необъятное объять
Мы мечемся в протуберанцах чувства
И не хотим уверовать — понять.
Что мы одни и во Вселенной пусто.

БЕРТЯЕВ Ю. Ф.

ПЕЛЕНА

Сегодня в глазах пелена.
Желтый лед донный.
Вода реки зелена —
Так все мы «вчера» помним.
Черная пасть льдин
Много от нас хочет.
Но — пройдем, победим!
Пусть последний хохочет.
Реки поток серебрист,
Ели полощут лапы ...
«Бей вправо, держись!
Здесь не нужны клятвы.»
Дорога там, за горой,
Да нету у нас лыж.
На снежный склон злой
С лодкой не побежишь.
И ты клянись, не клянись —
Есть же назад дорога!
Одно — Буруна, держись! —
Молитва твоя, подмога ...

ВОРОНОВ П.С.

ПО КАРСКОЙ ТУНДРЕ

Сзади закат нам багрянцем пылал.
Бросая пучки мутных теней,
А прямо, средь дымки, Полярный Урал
Кололся рогами оленей.

Мы мчимся по тундре безлюдной
Полетом оленьих копыт.
И в мертвой тиши непробудной
Лишь старая нарта скрипит.

Под мерные взмахи хорея.
Ненецкий унылый напев,
Мне слышится голос Борея
И смех ледяных королев.

Все мифы и сказки смешались...
А дали — прекрасны, как сон.
Недаром их краски снимались
Природой с палитры времен.

В чернеющей рядом теснине,
Где струи, как змеи шипят,
Наборами зубчатых линий
Скалистые кручи висят.

Слои на тех скалах застыли
Узорами каменных волн.

Как будто их гномы взмутили,
Вздувая волшебный свой горн.

Вдруг резко сменились картины:
Клоками седыми туман
Подернул речные долины
И гор. серебрящихся, стан.

Достигнув белесой завесы.
Олени умерили бег.
У речки, кружащейся бесом.
Мы свой основали ночлег ...
Югорский полуостров, хребет Пай-Хой,
август 1947 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАЙ-ХОЕ

Воспоминания оживают.
На ухо звуками шепча ...
У чума, слышу, лайки лают.
Взлетают гуси, гогоча.

Гремя в камнях, поток стремится,
Хвалясь траве своей красотой.
Она ж склонилась и сочится.
Как слезы чистою росой.

От солнца в тундре, где ни станешь.
Кольшет маревом простор.
А в нем окрест, куда ни глянешь.
Застыли зеркала озер.

Меж них и в них на той равнине
Вся в красках, звуках жизнь кипит.
Коротким летом, как в стремнине.
Свершить свой путь она спешит.

Вдали, средь шири неоглядной.
На скалах, чудится, мечи
И стены крепости волшебной
На страже древней Сибирчи.

Красавцы лебеди крылами
Прощально машут в вышине ...
Вот пронеслася над волнами
Чтобы исчезнуть в сизой мгле.

И я в туман тот уплываю.
Что стелется в моих очах ...
Но, засыпая, твердо знаю:
Красива Арктика ... в мечтах!

В реальности — она другая
В ней светит солнце не всегда.
Зимой, просторы заметая.
Рычит, шипит по ней пурга.

А сколько дней дождливых летом?
Да ветер холод все несет ...
Как не замерзнуть тут при этом,
Когда дождище льет, да льет ...

Дрожишь от сырости в палатке,
Повсюду хлопает вода ...
Но уверяешь: "Все в порядке"
Без этого тебе куда?

К САМОЛЕТУ. НА СОБАКАХ

Рассвет, чуть сереет на краешке неба.
К дверям подбежала упряжка собак.
Наспех съедаю две корочки хлеба.
Чтоб в путь не уехать совсем натошак.

Снежинки морозно хрустят под ногами.
Каюр помогает надеть мне сакуй.
Последние заезды мигают свечами.
Последний, прощальный, ловлю поцелуй ...

Уселся на нарты правее каюра.
Хорей прогулялся над спинами псов.
От взятого с места лихого ал юра
Холмы заходили, как чашки весов.

Глушимые лаем и снежною пылью.
Несемся по склону в застывший залив
Водой ледяную поверхность, как гнилью.
Подернул, местами, недавно прилив ...

С опаской обходим такие разливы.
Над ними клубится морозная мгла.
Седого тумана косматые гривы
Бредут перед нами походкой вата.

Выносимся лихо на скатерть залива.
Собаки визжат и полозья скрипят.
Каюр пышет трубкой в меня молчаливо.
Да снежные волны под нарты летят.

А там, впереди, нам ревут самолеты
И коль опоздаешь — пощады не жди!
Всё скажут «по-русски» трудяги - пилоты.
Раз вылет назначен за час до пурги ...

Но вот мы домчались. Собаки устало
Лохматой цепочкой на снег залегли.
Забравшись в кабину, как прежде бывало.
Уснуть попытаюсь до новой зари ...
декабрь 1949 г.

НАЗАД. ДОРОГОЮ МОРСКОЮ ...

Слизь от тумана ложится на плечи.
Море горбит мертвая зыбь...
В воздухе гложут слова человечьи
Волны с холмами поспорить могли б.

Катер бросает трухлявою щепкой.
Слышно, как о борт скребется шуга.
Стужа цепляется хваткою крепкой
Взметами брызг леденит обшлага.

Стрётот мотора, как сердце большого:
То заклокочет, то смолкнет опять.
Морось проносится снова я снова.
С севера льдин надвигается рать.

В диком хаосе воды, мглы и холода
Треплет нас десять проклятых часов
Каждый, терзаемый муками голода.
Руганью время пришпорить готов

Так. ковыляя дорогой морскою.
Мы повернули сегодня назад ..
Скоро ль увижусь с тобой, дорогою?
Сколько еще впереди ждет преград.

Кажется, будто ответом кивает
Справа последний чернеющий мыс.
Волны мельчают, немного стихает.
Вот и причал над водою повис.

С крикам воинов индейского клана
Дружной работой сгоняем озноб.
Мысль о возврате рукой великана
Сумме лишений подводит итог.

Думы о письмах, что ждут, окрыляют.
Вихрем врываюсь на почты крыльцо-
Взлёты фантазии явь отгоняют:
Вижу сквозь строчки родное лицо.

Весь в ожидании застыл у барьера.
Грудью приникнув к перилам его.
Убийственной посвиста пуль револьвера
Слышу слова: «Для Вас нет ничего* ...
Кожевникова, октябрь 1950 г.

АНТАРКТИЧЕСКИЕ СНЕГА
"Идут белые снеги" ... Нет, они не идут!
Ты, поэт, ошибался, побывал бы ты тут...
Здесь они только мчатся с дикой силой метут
И змеями клубятся, да гранить: грызут.

Вон в скалистые кручи, что как губки стоят.
Искус ав и измучив, впился снежный заряд...
И гречи г. истомленный, от укусов устал.
Он стоит весь пронзенный мириадами жал

«Идут белые снеги» ... Нет. они не идут!
Они бешено мчатся, да зловеще ревут.
Не найдешь в них снежинок. То не выдумка — быть!
В них клубами крутится только снежная пыль.

Вон надуло сугробы, но не вздумай упасть!
Коль на них поскользнешься, го ты можешь пропасть.
Потому что сугробы -- уж подобие льда.
Снеговая пыль смерзлась и притом — навсегда!

Идут белые снеги»... Пет они не идут!
Разлеглись на равнине, к океану ползут.
Ведь покров Антарктиды лишь скопление снегов

От белеющей пудры до синеющих льдов.

Из глубин континента свои массы стремят,
На поверхности воют, в ледоломах трещат.
И к экватору с ревом улетает пурга.
Вместе с нею уходят Антарктиды снега ...
Королевы Мод. январь 1959 г.

ГАЛУСТЬЯН Э.Л.

БАЛЛ АЛА О ДУХАХ

С времен Вавилона. Помпеи и древнего Рима
Красотки не мыслили жизни без благовоний и грима.
Мужчины охотно им в этих делах потакали,
И в дни их рожденья помаду, духи покупали.

Помаду? Не надо, она хоть и делает губы свежее.
Но с ней ненароком получит неверный по шее.
Духи безобидней, и если жена даже запах поймает.
Го скажешь, что к даме прижался случайно е трамвае.

Придумал духи, очевидно, один из ревнивцев Востока
В те древние годы, когда по законам жестоким
Лицо свое прятали жены под черной чадройю.
И в ней, словно тени, ходили безликой толпойю.

Ну как проследить в той толпе за женою неверной?
Ведь раньше светили ночные фонарики скверно.
И тут осенила догадка несчастного мужа.
Опрыскать пахучей водичкой — и сразу всплывет вес

За тысячи лет претерпели духи измененья.
Стал запах у них ароматней, нежней, без сомнения.
А для мужчин современных они — выручалка,
Проще не сыщешь к событию любому подарка

ГОЛЫЕКО. И.Н.

ИЛЛАРИОНУ ИЛАРИОНОВИЧУ ШАФРАНОВСКОМУ

Вулканические горы имеют
симметрию ромашки, а горные
хребты — симметрию листка.

И. И. Шафрановский
«Симметрия в природе»

Когда под бременем загадок
Бессильный уловить порядок
Ум человеческий поник.

Когда сомнением объятый
Перед гармонией разъятой
Пал дому мыслящий тростник,

И как при ядерном распаде.
Был физик с лириком в разладе,
И алгебра зашла в тупик. —

Тогда в лице Илариона
Союз Афины с Аполлоном
Над миром жаждущим возник.

За кристаллической решеткой —
Сухой, абстрактной, мертвой, четкой.
За частоколом строгих цифр,

В алгебраических канонах
Узрела мысль Илариона
Природы тайной стертый шифр.

Признайтесь, люди: кто проник
В природных таин глухой родник.
И там испил живой воды.

Познав «симметрию среды:»
Вы помните ль, кто нам помог
Вулкан увидеть, как цветок?

Узнать, что горы и река
Таят симметрию листка?
И пусть влияние среды
Сотрет случайные черты.
Ты мир увидишь, как чертеж
И скажешь. — Этот мир хорош!

Хвала влиянию среды.
Когда случайные черты
Она стирает, и для нас
Дарит сверкающий алмаз!

НОВЫЕ ГЕОХИМИЧЕСКИЕ РУБЕЖИ

Боксит — геохимический аналог человек
Ю. К. Бурков

Равнодушная природа
Равнодушный свет лиёт.
Человек или порода —
Всё едино для неё.

Милый, покорись судьбе.
И всегда люби бокситы.
В них, как в зеркале, сокрыты
Связи, сущие в тебе.

Биогенный Рубикон.
Символ жизни, аква вита!
Милый друг, в куске боксита
Образ твой запечатлён!

Формируют те же связи
Твой прелестный свежий лик.
Друг мой нежный, в комьях грязи
Твой содержится, двойник.

В этом следствие ученья.
Непостижное уму:
Нет в природе предпочтенья
Человеку иль дерьму.

О ПУТЯХ И ИТОГАХ ПОЗНАНИЯ

В.В.Г.

Я философию постиг.
Я проникаю суть вещей.

Прочтя две тыщи умных книг.
Увидел я, что я — умней.

Презрев ползучий эмпиризм.
Я дал познания модель.
Установив Анахронизм
Триады — принцип, метод, цель.

Гак превзошел я свой талант,
Найдя наук инвариант.
Но втайне знаю я одно:
Я есмь! Все прочее — ...

КЛЮЧЕВСКОП ВУЛКАН
Ключевской вулкан стоит.
Ключ от недр земных таит
И колечком золотым
В небосвод пускает дым.
Снегом бархатным укрыт.
Он имеет кроткий вид.
Сладко дремлет, сладко спит,
И, как спящий кот, сопит.

Но проснется великан,
Но пробудится вулкан —
Как издаст свирепый рык.
Как объявит грозный лик.
Как огнем охватит твердь —
Берегись! Он сеет смерть!

Ты полезешь, как абрек,
А потом на землю — бряк!
Хоть и горд ты, человек,
Пред вулканом ты червяк.

Укроти свой гордый дух,
Самоуверенность и пыл.
Подожди, чтоб он потух.
Лучше — чтоб совсем остыл.

Успокоится вулкан.
Охладит свои бока.
Влезет в ледяной кафтан.
Нахлобучив облака.

И опять невозмутим
Отдыхаем от хлопот,
Из ноздрей пускает дым
И урчит, как сытый кот.

ИМЯ

1

Моей нежности надо совсем не много:
Эти недлинные два слога.
Эти прозрачные два звука —
Радость для слуха — милая мука.
Эти протяжные две фонемы.
Но только губы должны быть немые.

2

Несправедливо бывает на свете-
Имя твоё произносят дети.
Имя твоё произносит старуха
И дама, совсем лишенная слуха.
Произносят слева, произносят справа,
И только я — не имею права.
Губам нестерпимо, губам щекотно.
Имя твоё, несомненно, модно.
Губам нестерпима сладкая тайна.
... Позову вон того мальчишку ... случайно .
Засмеялась, умчалась ребячья стая,
А мой зов, прозвенев, в пустоте растаял.

ПАМЯТИ Л РУГА

*Пусть двое нас. но двое так.
Как сдвоен циркуля раствор:
Ты, остриём-опорой став.
Застыв, с меня не сводишь взор*
Джон Донн

Как ножка циркуля дрожит,
Вонзив опорой остриё.
Пока сестра её бежит,
Верша кружение свое.

Так, смерть, не отпуская взор.
Влечёт по кругу жизнь-сестру.
Сдвигает циркуля раствор
И в точку превращает круг.

Какая тайная печаль
Неодолимо тянет мысль
Туда, где свёрнута спираль.
Где центр с окружностью слились.

Быть может, то, что мы бедой
Зовём, не ведая начал.
Есть просто возвращенье а дом.
Где первый крик твой прозвучал.

Теперь посредством рук и глаз
Друг друга нам не обрести.
Но циркуль связывает нас.
Хотя ты — в центре, я — в пути.

Мы оба — в замкнутом кольце.
Пусть длится бег — настанет миг
В один неуловимый сдвиг
К себе притянет этот центр.

Туда, где сдвинув берега.
Сомкнулись устье и исток.
Где спит у вечности в руках
Пружины дремлющей виток.

ГОРШКОВ Л. К.

Зеленый цвет —
Спокойный цвет,
Дарящий радость и тепло.

Огонь земли —
Зеленый цвет.
И с ним свободно и светло.

Твоя душа —
Зеленый свет.
Усталому отрада.

Гроза прошла —
Живет любовь.
Другого и не надо...

НА РАЗВЕДКЕ

Сомненья прочь, в груди — свободней.
Горит бикфордова петля.
Ты покоришься мне сегодня.
Прости, так надо мне. Земля ...

Скала, вздыхая, оседала
Тяжелым шлейфом на снега.
Но рудный пласт еще скрывала.
Он ближе стал на полшага

69 ПАРАЛЛЕЛЬ

Над тундрою покатою
Луна плывет — не крымская:
Норильск — не Коктебель.
Здесь шестьдесят девятая.
Здесь шестьдесят девятая.
Пуржистая, таймырская
Проходит параллель.

Застыли баржи на реках.
Не спит заснеженный Талнах
Под вечную метель ...
Здесь шестьдесят девятая,
Здесь шестьдесят девятая —
Меж сопками горбатыми —
Мужская параллель.

Плывут дымы косматые.
Искрится медь норильская.
Сливается в купель
Здесь шестьдесят девятая.
Здесь шестьдесят девятая.
Игарская, Дудинская.
Родная параллель.

Мороз еще за двадцать пяти.
Любовь ничем не испугать
Пришел в Норильск апрель ...
Здесь шестьдесят девятая.
Здесь шестьдесят девятая.
Знакомствами богатая.
Земная параллель!..

ПОЗЫВНЫЕ СЕВЕРА

Уеду на море, где сосны и пляж.

Там север приснится, как странная мода.
Пусть ночью не будит морзяночный пляс.
Баюкает, нежит, ласкает природа ...
На бархатном юге нахлынет тоска.
Охватит неслышно, незримо, но верно:
Надежда остаться - слабей волоска.
Врачи же все спишут, конечно, на нервы

И север свои позывные пришлет,
Проси ты его, не проси —
И руки радаров ведут самолет.
Бетонка летит под шасси!..

Порой не понятен себе человек.
Его не удержат ни Сочи, ни Волга —
Он с тундрой душою сроднился. Надолго..
Считай, обручился он с нею навек
На пенсию выйду — не стану стареть,
Пока мне на север собраться охота.
Весною, наверно, я буду болеть.
Как вечная птица, желаньем полета

Мне север свои позывные пришлет.
Проси ты его, ни проси —
И руки радаров возьмут самолет
Бетонка помчит иод шасси ...

АНТАРКТИЧЕСКАЯ КАРТОШКА

Взлетел А.Н-2... Растаял в белой стыни.
Нас четверо в полярной буровой.
И вышка наша — в изморози синей —
На куполе одна, как часовой.

А рядом гряда ящиков дощатых—
Летал на базу дважды самолет —
Того и жди. сугроб горбом покатым
Поземка в одночасье наметет.

Пришла идея- ящики пустые
Предать огню иль попросту — поджечь,
И в их золе — в Антарктике впервые? —
Картошку австралийскую испечь!....

Горели доски с искрами, красиво.
Костер прожил не больше двух часов,
Пеклась на льду картошка, как в России,
И каждый был рассказывать готов ...

Туман воспоминаний расплескался.
Растаяли последние клоки
Костер поник... Поземкой пепел стлался
На : черные мужские сапоги ...

СТЕПЬ

Степь раскрыта, словно книга.
Каждой строчкой будит .мысль.
Два орла навстречу МИГам —
Вечность с юностью сошлись.
Разнотравья покрывало
Оттеняет синева.

Над излуциной Урала
ЛЭП — тугая тетива
Там сурки в оцепенении
Перед норами сидят.
И курганы в отдаленье
Свежесть древности таят ...
Книге жизни — не излиться.
И объем ее растет:
Пишет новую страницу
Запыленный К-700 ...
Оренбург

ВСТРЕЧА С ГОРОДОМ
Дрожит чугунная ограда.
Асфальт листвою осветлен.
Сентябрьской синью Ленинграда
Балтийский воздух напоен.

Прильну к стволу седой березы.
Листвы услышу с ветром спор.
Увижу — будто бы сквозь слезы -
В воде качается собор ...

НА КОРЛОНЕ
Для ветра деревья — почти не преграда:
Слетает, не гасит порывов листва.
Раздетые ветви — подобье разгадок:
Ни тайного шелеста, ни озорства ...
Пустеют озера — пернатых обитель,
Последние птицы легли на крыло.
И старый Филиппыч, лесной охранитель,
В чулан убирает косу и весло...

ЕГОРОВ Э.В.
(О храме Василия Блаженного)
Его не любят — "СЛИШКОМ ПРОСТО"
Его не любят — «СЛИШКОМ ПЕСТРО».
«Топорно сделан». «Слишком пышно».
И «слишком» всюду, всюду «слишком»

Не слишком — это просто буйство.
Не слишком — радость и безумство.
Не слишком — половодье цвета.
Сады и разнотравье лета ...

Могучих не понять — беда.
А серость — серая всегда.

Жила прозрачная Россия
Свирепой поступью коней
Терзали орды кочевые
Ее поля, ее людей.
И под ярмом, ломая спины.
Кнутах высекая мат,
— Рабы, рабы, — века подряд!
Цвет русских гнали на чужбину.
Но смыли след дожди косые.
И время сделало свое:

Где та Орда? — В крови России.
Где кони те? — В душе ее.

Говорят, что динозавры жили рядом с человеком
На заре его дороги, на обочине пути.
С той поры уделом женщин было всюду век за веком,
Сберегая искру жизни, милосердие нести.

Проносили эту ношу в лепестках своих ладоней
По пещерам саблезубых, по позору кабаков.
Сквозь татарские полоны и костры тевтонов грубых,
Сквозь нашествия и войны над безумием штыков

Их топтали наших женщин, били, резали, душили
Продавали как скотину, убивали их детей.
В темноте и святотатстве мат придумали мужчины,
Отравив немую совесть смрадом лагерных печей.

Наконец шедевр Вселенной- Лучший Ум за дело взялся.
Против зла, что бушевало бомбу сделать предложил.
Но всегда любой воитель с тылом вражеским сражался
Только позже Гений понял. что за зверя разбудил.

И обрушились на Землю Вихри жестких излучений,
И опять детей и женщин в мучил новый фронт.
Все живое испарялось, гибло в ядерном кипении,
И сгорал в нейтронных вихрях драгоценный генофонд.

Дрогнул мир и замер в страхе, виден людям их удел
Вся наследственность- на плахе. Что же дальше?

Где предел?

Среди дорог, что замели года
Идет одна стремительною нитью
То ль сжалилась моя судьба тогда.
То ль встретились мы просто по наитью.
Зеленый мрак за стрелами ресниц.
Лукавых уст летящая улыбка.
И доброты неистребимой пытка.
И нежность пред которой падал ниц.
Коротких встреч неистовые миги.
В ночи костер пылающей луны.
Столетних слов кондовые вериги,
Прощальный вздох ..и снова в мире мы.
И снова время бешеным изгоном
Меня на годы уносило прочь.
Кричала тьма! И с колокольным звоном
Вплетался день в разорванную ночь.

ХРЕБЕТ СРЕДИННО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ
(на нашей кухне истерической)
ОТКРЫТ В ВОДЕ ОКЕАНИЧЕСКОЙ
(скандал с соседями нервический)
ГИРЕРБАЗИТЫ С ОЛИВИНАМИ
(Опять мешали водку с винами)
ПРИСУЩИ РИФТАМ С ИХ ДОЛИНАМИ
(И дрались чуть ли не дубинами)

ДРЕЙФ КОНТИНЕНТОВ ФЕЕРИЧЕСКИЙ
(При этом мат стоял классический)
ВОЗМОЖЕН, РАЗ БАЗАЛЫТ ПЛАСТИЧЕСКИЙ
(А жены терпят все стоически)
КОГДА МАТЕРИКИ СТЫКУЮТСЯ
(уже милиция волнуется)
КРАЯ В ХРЕБТЫ ПРЕОБРАЗУЮТСЯ
(А те подрались и целуются)
НАШ РАЗУМ ЧИСТО ТИТАНИЧЕСКИЙ
ПОВЯЗАН ЖИЗНЬЮ ПРОЗАИЧЕСКОЙ

* * *

Лес.
Лес зеленый стоит.
У дороги стоит лес зеленый.
Весь.
Весь пройду этот лес.
Лес пройду и присяду в конце утомленный.
— Что за глупость, мой друг.
«Что за жалкий удел»
Тратить силы, чтоб видеть у леса предел?
Что за блажь проходить по лесам без дороги.
Загубив и лесные чертоги и ноги?
— Нет, не прав ты. Дается нам жизнь,

чтоб искать.

А прожить без усилий не могут и боги.

ИВАНОВ А.А.
ТРЕБУЕТСЯ ПИНГВИН

Объявление

- Зачем тебе нужен пингвин?
- Пусть просто будет.
Пусть будет добрым хотя бы он.
Пусть по квартире ходит.
- Он станет скучать в квартире твоей,
В темной твоей квартире.
- Я посажу его на окно.
Он будет видеть прохожих.
Утром меня он будет встречать,
А днем я ему доверю
Телефон. Чтоб добрый голос вешал.
Что меня еще нет.
Но буду.

ДОМ

Шторой, дрызгою, клопами.
Ржой гвоздей половинных.
Жженым звоном консервным.
Храпом тросов трясущихся лифтов.
Штукатуркой, весной опавшей.
Молью пыжика — старой шапки.
Духотой причердачности сладкой.
Запотелой лампадкой
Дом стоит

ИЛЮХИН В.С.

Моя поэзия — как ты —
Для жизни остается тайной.

Какою острою печалью
Сникают на снегу цветы.
Их обреченное дрожанье
И трепетанье лепестков:
О, сколько мы находим слов.
Чтоб причинить другим страданье.

Мы греем иглы и огни
Сиянья Севера в зените.
Но не бывает — не ищите
Холодной мудрости в любви.
В ее спокойствии ранимом
Итог — безмолвие снегов.
Как мало мы находим слов.
Чтоб сохранить любовь любимых.

Не уместить в себе зарю —
Она прекрасна и опасна,
Ты на моих снегах угаснешь.
Мне страшно за любовь твою.

Был вечный вечер, грустный вечер —
Камелии в костре горели,
А в камнях скрытые камни
Печально опускали плечи.

Горд, изначально одинок,
Высок, как бог — останец сонный
Указывал определенно
На север, запад и восток.

Где юг — там нега и уют.
Там в воздухе парит небрежность,
А здесь устойчивую свежесть
С той легкостью не осмеют

Здесь не посмеют сеять зло.
Все просто — просто я один,
И царь себе, и господин —
Свело с собою ремесло.

Но снова воскресала ты —
Непостижимой и усталой
В тайгу осеннюю роняла
Снопов последние цветы.

Алел в палатке скромным платьем
Рокайльный завиток Ринальди,
Нарушен стиль — и стили ради
Часть приобрел, а часть утратил.

Все ясно, все — когда без всех.
Но как себя изобразить,
Сказать о том, чему не быть,
На изнуряющем холсте?

Как вживлена в мир тишина,
Когда сожжение и ветер,

А с постамента неба светит
За тучи слегшая луна.

Костер стараньем в небо выгнут.
Огонь к огню — неумолимо.
Но звезды — высотой хранимы —
Его стремлений не постигнут.

В решетках теней и ветвей.
От истины — полетом листьев
К подошвам сношенным ложится
Отрывок вымысла о ней.

Прекрасен сон — заря напрасно
Все разоряет редким светом:
И сотни сотен километров
Встают невыносимой властью.

Окончен вечер — вечный вечер;
Устали угли, догорели;
Благословив тебя — посмею
Благодарить за эту встречу.

• • •

Живем все дольше, дольше, дольше —
Тоской истасканной соря,
В курумах острых и обросших
Меняем время на поля.

Идем все дальше, дальше, дальше —
До перекрестков и углов,
Или взрываемся на маршах,
Или сгораем от стихов.

Поем все глуше, глуше, глуше —
Устало горло в пустоте,
И по пути теряем лучших,
И приближаемся к черте.

А луна над Казанским собором
Не нужна — шеи гнут фонари,
И висит она вечным укором
Не добру, не душе, нелюбви.

Мы сатане свои продали души.
Властителю разлуки и тайги,
Их новый бог сиянием задушит
Все наши беды, боли и стихи.
Покинут храм, иконы позабыты.
Забиты двери в грезы алтаря.
Лишь облака, как косы Маргариты.
В безумии нам преданность хранят

Ушло в поля, тропой обетованной
Бессилие перед громадой лжи,
Нет больше веры в мудрость понимания,
И надоело верить в миражи.
Идем в туман, раскаянием умытый,
Некаянными мечемся в дыму,

И облака, как косы Маргариты,
Из ниоткуда в никуда плывут.

Осталась боль и призрачная небыль,
Остались сны и мысли невпопад,
Но все равно, заглядываясь в небо,
От сатаны приходим мы назад,
Приходим в дом. спокойствием увитый,
И припадаем к дорогим рукам,
Но облака, как косы Маргариты,
Манить нас снова будут по утрам.

* * *

Льются водопады из тумана,
Требуя у мира тишины,
Медленною ватою из раны
Сопок, полосованных людьми.
Склоны, покорившиеся веку —
Белизне подставили плечо,
Золото — что манит человека —
Легкому туману нипочем.

Мир до созерцания сгустился.
До спокойных мыслей онемел,
И, возможно, кто-то застыдился
И немного Землю пожалел,
Где-то в небо выпустили птицу.
В первом плаче задышал малыш.
Водопад кружится и искрится,
Тишиной встречая чью-то жизнь.

И уже заведомо не надо
Над другими встать, из кожи лезть
Это тяжелеет наша правда —
Истина последняя и месть.
Это в наших сопках ноют раны -
Чести устаревшей голоса.
Льется с неба водопад тумана
И уходит снова в небеса.

КАПЧЕНКО Л. Н.

МЕЖА

Два поля двух владельцев разделяет
Заваленная мусором межа.
Предназначенью своему служа,
Обильно сорняками зарастает.

Никто их не срезает, не сжигает,
Своим трудом на поле дорожа,
За всходы и за урожай дрожа —
И цвет в межах махровый полыхает.

Потом огромной тучей семена
На грядки, удобренные сполна.
Межа на парашютиках пускает
И корни в грядки властно простирает.

Межа ничья — и груд к ней приложить —
Равно как мед других устами пить.

* * *

Давно известна истина простая:
Дитя без глазу, коли нянек — семь,
Нужна одна, бездельем не больная,
Чтобы она пример давала всем.

Но где их взять, таких прилежных нянек
Избаловался нянящий народ,
Коль коллектив из семерых был нанят,
Кто состязаться с ним один дерзнет

В прилежности, и в деловых успехах?
В затрате трудо - человека дней?..
А если точно — в «деловых» потехах.

И кто докажет, что один — нужней.
Чем коллектив, во вкус вошедший «дела»?
Такого нет, —я утверждаю смело.

* * *

Добрых доброта — на благо миру,
Добротишка добреньких — сложней:
Нищему — сухарик для блезиру.
От других — кус сала пожирней.

Добренький не скрестит шпагу с гадом,
Он любому гаду — добрый гад.
Уползет в нору, коль камнепадом
Все возмездья неба полетят.

Он со всеми вместе будет хныкать.
Над убитым горем — причитать,
Станет легче — может попиливать
Скрипичкой ... и байку рассказать.

Добренькие часто отравляют
Морфием недоброй доброты
И безвольных в нищих превращают.
И богов низводят с высоты.

Добрые искусные хирурги
Против всех болезней слабых душ,
Преодолевают злые пурги.
Тянут в поте жизни тяжкий гуж.

Добрые — благие санитары,
С поля боя вынесут, коль жив.
Чуждо им паренье под фанфары.
Ненавистен тот, кто нагл и лжив.

Сильные не мускулов объемом,
А огнем, пылающим в груди.
Добрые! Пусть сполохом огромным
Доброта сияет вам з пути!

БЕЛАЯ НОЧЬ

Спят липы и цветы благоуханны,
Укрытые прозрачной пеленой,

Глядится берег синий из тумана
За ласковою светлою Невой.

Звук тихого наплыва будто замер,
Лишь мерно дышит в сне глубоком грудь,
И плавно колыхая дебаркадер,
Бойтся его тихий сон спугнуть.

Таит заря восторженные краски,
Чуть розоватый жемчуг — в пелене.
И кто-то шепчет, отдавая ласки ...
Не месяц ли — вздыхающей Неве?

КОРМИЛИЦЫН В. С.

ЭТОТ 1941-й
Мы оба в мир иной ступили
Из детских грез, из школьных лет.
Нас бури сразу разлучили
И замели друг к другу след.

Под трубный марш, с пустой котомкой.
Сквозь строй родных, прощальных слез.
С тяжелой новою винтовкой
Меня на фронт состав увез.

Прошел июль. В боях кровавых
На Кингисеппских рубежах
Я испытал и боль и страх
И растерял друзей бывалых ...

ПОПУТНОЕ
Не узнать любимца города.
Не узнать.
Погляжу на окна битые —
Не смолчать.
Не пройти нигде по Невскому,
Не пройти.
Чтоб не встретить гроба свежего
По пути.
Сердце кровью обливается,
Нет слов.
Злоба лютая рождается
На врагов.
12 декабря 1941 г.

ПЕРЕСТРОЕЧНОЕ
Разгорелась перестройка.
Всем труднее стало жить.
И решил я. бедолага.
С мафиози подружить.

Выйду в лес, где вотки рыщут.
Свистну этак и вот так.
Загребай с дороги тыщи
И таскай скорей в рюкзак.

Я привык на лимузине
По Ямской-Гверской гонять.

В Енисейском магазине
Все, что нужно, покупать.

Но в процессе перестройки
Мне все чаще снятся сны,
Будто сам по доброй вате
Сел в крапиву у стены.

ЛЕДОХОД НА НЕВЕ

Солнце в небе зависло и воздух чуть движим.
Только белые льдины плывут по Неве.
Белокрылые чайки все ближе и ближе.
Словно добрые вести в суровой судьбе.

Не спеши, не спеши, — все, что нужно, успеем
Тихий праздник весны подожди покидать.
Постоим, помолчим, солнцем душу согреем.
А потом, может быть, станем весны считать.

В бесконечность плывут белых льдин вереницы,
За собою манят, за собою зовут.
Только путы забот одомашненной птицы
Ни взлететь над землей, ни уплыть не дают.

На судьбу не ропща, повторяю все то же —
Приходи вешним днем ледоход посмотреть.
Может, эта весна нам с тобою поможет
Зимний холод стряхнуть и лицом посветлеть.

КУЛЯМИН Л.Н.

Все вода, да вода, как ни глянешь кругом.
Глазу не за что здесь зацепиться.
Вот уж скоро пол года — корабль, словно дом,
Из которого не отлучиться.
Под ногами бессменно машины шумят.
Превратилась вибрация в норму.
Волны зыби и в штиль нас бессменно кренят
С борта на борт и с носа на корму.

Но как долго б я ни был в безбрежье морей.
Мачты мне не заменят березы,
А на палубе в выезженной солнцем жаре
Мне привидятся снег и морозы.

Брызги волн не заменят шагов по росе,
Их журчание — птичьего пенья.
И закаты в кильватерной полосе
Не заменят костра на поленьях.

* * *

Взъяренное солнце взобралось в зенит.
Оттуда смеется над нами,
Прожаренный воздух дрожит и звенит,
Несмачиваемый волнами.

Под нами разверзлась Нептунова глубь —
Три тысячи раз по семь футов,
И часто попытки туда заглянуть
Безжалостно рвал он и круто.

Вот взял он заложником вечным «Сесам»,
Вот тезку взял — тоже «Нептуна»,
Но носа мы вешать не будем — а там
И нам улыбнется фортуна.

Мы ждем той улыбки не день и не два,
Неделю прождем — не заплачем,
И кругом от счастья идет голова
В скупые мгновенья удачи.

Но все ж, несомненно, мы будем считать
Своей самой главной удачей
Тот день, когда: «Палубным к шпилью стоять
И якорь готовить к отдаче!»
Тихий океан, 1 ноября 1989 г.
Борт НИС «Геолог /7. Антропов»

ЛЕДНИК Л. Н.

Дорога меж холмов змеится рыжей пылью.
Пронизан воздух стылой сталью неба,
И мертвый горизонт глотает дым костров.
Влачит коняга воз, скрипят Времен Колеса,
Усматривая в яминах Судьбу.

... Ничто, ничто не испрямит дороги,
Все в памяти останется, как было,
И долго-долго будет в хлебном злаке
Бродячий дух из прошлого, былого,
Ткать полотно печального ухода.

* * *

Калейдоскопом тишина --
Плывет зеленое на сером.
Вновь разбивается волна,
Осколки натирая мелом.
Усталость — невезучий воз, —
Засеребрит стеклянным дымом.
Сперва отдайся воле гроз.
Облитый мученика гримом. —
А после, чуждый красоте,
Рассыпся в мелкие кусочки —
И краской вспыхнут в глубине
Гортанно-звонкие звоночки.

ЛЕВЕНБЕРГ Е. А.

КУПОЛА

Золотые, золотые купола церквей!
Из зеленого окна — в облака.
Раззвоните, милые, о счастье моем.
Растрезвоньтесь, распойтесь, любезные!
Заглушите пустоту в вышине,
Чтобы люди замолкли от стыда за меня.
Солнце колоколов, пальцы мои
и твою голову приласкают

* * *

Хотите, красавицы и кокетки,
Я покажу вам, Как надо любить?
Смотрите, я беру свое жесткое горло.
Завязываю его морским узлом
И кладу в портфель. А вы ... продолжайте

Глядеться в блестящие пуговицы глаз,
В сапоги и паркет.

МАНУЙЛОВ К.В.

Вам, Двенадцать Коллегий, — мысли взлет, и элегий
Расцветающих светлые всплески.
В хороводе едином дочерей Мнемозины
Оживают волшебные фрески.
Я в долгу перед вами — раз в который шагами
Я бужу коридорное эхо,
Причащаясь мгновенно мысли токам нетленным,
Ощущеньям прозренья, успеха.
Сквозь ушедшее время я беседую с теми,
Кто прославил Вас, кланяюсь в пояс
Вам, знакомые тени. Вместе с Вами колени
Преклоняю, душой успокоюсь.
Вам, Двенадцать Коллегий, чисел ритм, и элегий
В сердце пляшущий трепет созвучий,
В хороводе едином дочерей Мнемозины
У Кастальских звенящих излучин.

* * *

Мы дети древних снов и многих возрождений.
Из тьмы веков нам слышен звездный глас.
Нам слышен звон резца, и в сердце не угас
Огонь, которым жил великий мрачный гений.

Нам Светлый Демон шлет штрихи своих видений.
Свет современности отталкивает нас.
Нам флорентийский сумрачный экстаз
Дороже снов венецианских новых бдений.

Но вокруг себя мы редко видим тех,
Кому с готовностью протягиваем руки.
И, страсть неся в себе, мы отдаем успех,
Лишь встречи краткие ценим среди разлуки.
С воспоминаньями исчезнувших друзей
И этот мир живой мы видим, как музей.

МАРЧЕНКО А.Г.

Беду и радость принимал —
Не сосчитать, что было чаще,
Но настоящего не знал,
Мечтая лишь о настоящем.

И в многолюдье, и вдвоём,
Даря заученные ласки,
Я в одиночестве своём
Привычной прикрывался маской.

А жизнь катилась, в пыль дробя
Всё то, что нас по жизни движет...
И как я выжил без тебя?
А ты, как ты сумела выжить?

И как сумела отворить
Ни кем не найденные двери,
Ступить на тоненькую нить

И удержаться, и поверить?..

* * *

БЕССОННИЦА

Чёрно-кофейная ночь - наводчица
Смотрит в глаза-бойницы всё пристальной.
Мысли в постели мозга ворочаются,
Не находя пристани.

Давно ушедшие дни вереницей
В виски стучатся - гости непрошенные.
Нет сил, не успел я захлопнуть бойницы
От выстрелов прошлого...

...А солнце уже выпало из кармана Вселенной,
И горизонта всё отчетливей переносица.
У вас нет взаимы спокойствия неразменного?
Бессонница...

* * *

В своём океане холодном
Беда расставляет сети,
А сердце моё стучится
В закрытые двери счастья.
Поезд мыслей осенних
Следует без остановок,
И память смешала все встречи
В горький коктейль разлуки.
Утешься, печальное сердце!
Забудь и обиды, и раны.
Ты понимаешь птицу,
Только летать не умеешь.

* * *

В суете гостевого уюта,
В разговорах о том и о сём
Я всё ждал, что настанет минута –
Мы останемся только вдвоём.

Без щедрот и острот неуместных
Мы забудем мирские дела.
Будет лишь одиночества песня,
Что однажды нас вместе свела.

И тебя всё нежней обнимая,
Я рассказывать буду тебе,
Как тебя нахожу и теряю,
И не верю злодейке-судьбе.

Я рассказывать буду негромко,
Как мучительно ты мне нужна,
Как ходил без тебя я по кромке,
За которую пропасть видна.

И тогда в беспросветность желанья
Мы войдем, забыв обо всём,
И лавиной – любовь-истязанье,
Обладанья несущийся ком.

Будет в этом желанном забвеньи
То, что властно захватит нас в плен –

Без пустых обещаний, сомнений,
Без слезливости дачных измен...

...Затихает пружин колебанье.
Утомлённо вздыхает диван.
Но опять, как второе дыханье,
Наплывает желанья туман...

...Коммуналка. Шаги в коридоре.
Пробивается утренний свет
Сквозь твои полинялые шторы,
Освещая ненужный портрет.

Ты вздыхала о нём поминутно.
Как тебя он в те годы терзал!
Всё прошло. Ты со мной. Снова утро.
Ничего я опять не сказал.

* * *

ДЕКАБРЬСКАЯ РАСПУТИЦА

Снова талого снега разводы,
Чёрно-серый вороний базар -
Многоцветной картины природы
Под копирку второй экземпляр.

Расставаясь, декабрь оставляет
Свой трефовый расплывчатый след.
Всё пройдёт. Всё со снегом растает.
Только где же итог, где ответ?

Может, это пустые придирки?
Жизнь, как жизнь - я не гений, не псих,
Только жаль, что вся жизнь под копирку,
Как и тысячи жизней других.

И покуда незримые пальцы
Набирают строку за строкой,
Пробредают года, как скитальцы,
Отправляясь на вечный покой...

Однотонные, тусклые мысли.
Череда декабррей, январей...
Клочковатое небо повисло
На крюках заскорузлых ветвей.

Это просто капризы погоды.
Не впервой. Так бывало и встарь:
И декабрьские талые воды,
И плывущий по ним календарь.

Уходящий декабрь оставляет
Свой автограф - расплывчатый след...
Всё пройдёт, растворится, растает.
Неподвластного этому нет.

* * *

Дом затихает и молчит.
Часы бьют полночь за стеною.
Ты спишь, усталая, в ночи,
Укачанная тишиною.

Застыло платье на полу,

Затихло, сброшенное с тела,
Когда к желанному теплу
Ты прикоснуться захотела.

Потом шептала в полусне
Слова, не сказанные раньше,
Шептала еле слышно мне
О сердце, счастья ждать уставшем.

Как я хочу тебе вручить
Всё счастье – всё, что есть на свете!
Ты спишь, усталая, в ночи.
Так спят лишь божества и дети.

— * —

Засела чёрная тоска,
Как пуля в области виска.
Иду искать полночный кров
У телеграфных проводов.
В них жизнь! По тонким проводам
Бежит волнение телеграмм,
В которых чьи-то честь и срам,
Проклятие и фирмам
Пульсируют в стальных тисках...

— * —

Зачем входили мы в одно
Безудержное увлечение,
Не помня, что предрешено
В награду лишь опустошение?

Она поправила чулок,
Скривившись тусклою усмешкой:
Какой нас дьявол приволок
В постель, измятую поспешно?

Накинула – и все дела –
Пальто на плечики худые
И в утро серое ушла...
Добра в нас больше или зла?
О Господи, кто мы такие?

* * *

Как прекрасен белый лист бумаги!
Ну зачем марать его гуашью?
И зачем на нём писать, печатать,
Малевать какие-то картинки?
Белый цвет – он необъятный самый,
Он в себе содержит все оттенки,
И бездонность многоцветной жизни
В нём заключена, как ожиданье
Всей палитры красок вдохновенных,
Тех, которых нет ещё на нём.

— * —

Когда бездумно и беспечно
Я пил из чаши бытия,
Не зная ни тоски сердечной,
Ни тягот бедного житья,
Когда в бездействии прекрасном
Текли мои золотые дни,
Не ведал я, что так ужасно,
Так скоро кончатся они!
Но, налетев, как вихрь, внезапно,

Беда однажды раздалась:
Папаша, одряхлевший князь,
Вдруг разорился безвозвратно.
Другого не имея средства,
Княгиня душу отдала...
Какие грустные дела!
Какое горькое наследство!

Сижу в пустом старинном зале
И слёвываю на паркет.
Как здесь когда-то танцевали
И соблюдали этикет!
Балы, приёмы – все былое...
А нынче что? Тоска, тоска!..
Именье наше родовое
Пойдёт назавтра с молотка,
А я пристроюсь в том сарае,
Где прежний наш лакей живёт,
Свою ливрею пропивает
И тихо плачет за господ.

— * —

Мне хочется сказать: «Дарю!»,
Хотя в кармане ни гроша,
И льнёт к ночному фонарю
Моя бездомная душа.

Дымок над здешней стороной
И хруст едва замёрзших луж.
Ночь наполняется мечтой
Единства разобщённых душ.

А может, вправду есть оно,
Нематериальное родство
Людей, что одиноки, но
Подспудно чувствуют его?

И как иначе объяснить:
Я мотыльком лечу на свет,
Который смог мне подарить
Нежданный дружеский привет...

— * —

Нежданно, нерешительно, тревожно
Она вошла с попутчиком своим.
Был взгляд её кричаще осторожным,
Немая бездна виделась за ним.

Попутчик был корректен и застенчив.
Казалось, в неуместности своей
Он был ещё бесплотнее и мельче,
Чем тень, упавшая в проём дверей.

А бездна то росла, то вновь сжималась.
Под мерный разговор о том, о сём
Былая боль кругами разбегалась,
Как волны под ударившим веслом.

Казалось, снежный ком необъяснения
Вдруг начал таять, превращаясь в муть.
Что было в нём: упрёк или прощенье,
Обида или просто "не забудь"?

И я искал в её глазах ответа,
Ловя на миг тот беспокойный взгляд,
Куря за сигаретой сигарету
И что-то отвечая невпопад.

Сквозь разговор наигранно-небрежный
Я брёл, как заплутавший пилигрим,
А искорки утраченной надежды,
Мерцая, обращались в горький дым.

Так тлеет торф сокрытым жаром ада,
Прощанием с не вспыхнувшей мечтой,
И не сорвавшиеся камнепады
Удержаны невидимой рукой...

Ну, вот и всё. К концу подходит встреча.
Мы что-то говорим - не так, не то...
Не разгоревшись, снова гаснут свечи,
И подаёт попугчик ей пальто.

— * —

О, наша бедная страна!
Ты так похожа в эти годы
На ошалелого слона,
Который топчет огороды.
Изранен слон, безумен взгляд.
В рядах загонщиков разлад,
Грызётся лающая свора.
Наездник нужен, говорят,
Во избежание раздора...

14 марта 1990 г.

ОЖИДАНИЕ У ЗАКРЫТОЙ ДВЕРИ
В желаньи встречи безнадежном –
Своя пленительная власть.
Но лев дверной не потревожен,
Бессмысленно раскрывший пасть.

Однообразный, неизменный
Звонка в пустой квартире звук
Преподаёт урок надменно,
Что счастье не приходит вдруг.

Ехидный сквозняковый ветер
Нашёптывает из щелей...
А я взволнован, словно сеттер,
Застывший в стойке у дверей.

— * —

Опустела бутылка вина и лежит, одинокая, в урне.
Безысходен рассвет, как разбитый корабль на мели...
Не звучало фанфар, не играли нам маршей бравурных,
Когда мы на войну в это хмурое утро ушли.

Нас поставили в ряд – недоспавших, голодных, небритых.
Только вкус сигарет на сухих сохранился губах.
И суровый полковник, закаленный в немыслимых битвах,
Приказал выступать, позабыв и обиды, и страх.

Что ж, приказ есть приказ. Вслед за нами – бессонные ночи,
Но за них, как известно, не вручают железных крестов...

А беспечный народ где-то пьет, веселится, хохочет
И не знает о том, что из нас не вернется никто.

— * —

Осенний сад был пасмурным и мгlistым.
Среди стволов стелился синий дым.
Воспоминая сыпались, как листья,
Сводя с ума кружением своим.

Я шёл по листьям в пасмурном смятеньи.
И, чтобы стать от прошлого вольней,
Я чиркнул спичкой – пламя отрешенья
Оранжевых своих пустило змей.

Казалось, я сжигал сухие листья,
Но я никак не мог их сжечь дотла...
А птицы улетали вдаль, как мысли,
Туда, где больше света и тепла.

— * —

От одиночества отчаясь,
Мы получили только раз
Божественнейшую случайность,
Что бросила друг к другу нас.

Но годы-снеги запуржили...
И оказалось нелегко
Соединить всё то, что было,
Пока мы были далеко.

И вот над пропастью рубежной
Идём по зыбкому мосту,
Держа в руках свечу надежды,
Что освещает темноту.

Мы где-то в самой середине
Удерживаемся едва...
Но вяжет пропасть паутину,
Журчит на дне её молва.

И, как воздушные гимнасты,
Но без страховочных ремней,
В своих руках сжимая счастье,
Мы балансируем над ней.

* * *

Памяти Юрия Морозова

Просыпаюсь от шума дождя.
Зажигаю настольную лампу.
Ощущаю вдруг с болью внезапной:
Жизнь проходит, друзей уводя.

Можно ль жить - не надеясь, не ждя
Или только конца ожидая?
Как любить - у последнего края,
Когда сердце тисками сжимает
Тяжкий Каменный Гость, подходя?
Просыпаюсь от шума дождя...

18 ноября 1980 г.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЁР

Развесил вечер синеву,
Прощаться нам пора.
Дороги нас с тобой зовут,

Иные, чем вчера.

Мы разведем с тобой костёр,
Взвьётся терпкий дым.
Сожжем обид ненужный сор –
Другое сохраним.

Тепло костра – извечный дом
Скитальческой души...
Слова оставим на потом,
Сегодня не спеши.

Давай мы просто помолчим,
Прикурим от огня,
И звёздный дождь сквозь синий дым
Обрушится, звеня.

Пусть завтра будет тяжело –
Мы вспомним о вчера,
И вновь согреет нас тепло
Прощального костра.

* * *

СТИХИ В СТАРЫЙ ФОТОАЛЬБОМ

Пускай пройдет немало лет,
Но, заглянув в альбом беспечно,
Ты ощутишь внезапный свет
И вдруг поймёшь, что дружба вечна.

Ты вспомнишь всех, кто этот свет
Дарил улыбкой, жестом, взглядом,
И те, кого с тобою нет,
Как будто снова станут рядом.

А если вдруг нахлынет грусть,
И нет в душе твоей покоя –
Альбом откроешь ты, и пусть
Вернётся время золотое.

Сказал мудрец, что жизнь – вода,
В грунт уходящая незримо...
Пусть так. Но здесь мы – навсегда
Прекрасны и неразделимы.

* * *

ТАЁЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

В океане тайги утонул расточительный август.
На плечах облаков тяжелеет сентябрь, не спеша.
С вчера произнёс ничего не сказавшее «Здравствуй!»,
А сегодня так много содержится в слове «Прощай...».

Всё имеет предел, за которым – прошло, миновало...
А ведь было и так, что не знал, как дожить до утра.
В чёрной бездне ночей ты, как ангел, меня охраняла,
Ты спасала меня, как спасает в бою медсестра.

Тихим взглядом пронзит, очарует таёжная осень.
Нежным золотом вспыхнет в синеющей дымке гряда,
И осины, испуганно вздрогнув, багрянец свой сбросят...
Но прощальный твой взгляд мне не сбросить с себя никогда.

* * *

ХУДОЖНИК

Комнатушка под крышей -
Словно тесный вольер.
Может быть, он напишет
Свой проклятый шедевр?

С виду как-то неловко,
В шкуре мыслей своих,
Балансирует робко
Меж себя и других.

В серой краске из буден
Вырастает портрет:
Одинокие люди
Входят в грязный мольберт.

Отряхают сомненья,
Как снежинки с пальто,
Словно ищут спасенья
Там, за зыбкой чертой,

Там, где глуше, где тише
Гул обыденных сфер...
Комнатушка под крышей.
И проклятый шедевр.

* * *
— * —

Чёрных ветвей перекрёстье.
Зов оранжевых окон.
Падают первые звёзды.
Вьётся заката локон.

Радость сливается с грустью,
Словно разные вина.
В синь небесного русла
Невод надежд закинут.

— * —

Что было «мы» - вернулось к «ты» и «я».
Проведена последняя черта.
Покинутая нами высота
Исчезла в дымке, шрамы утая.
Всё возвратилось на круги своя.

Казалось, мы давно нашли ответ:
Изнемогая, умерло цунами.
Но что же, что – понять не можем сами –
Осталось в нас, как будто в доме свет
Забыли выключить, и светит он годами
Там, где – увы! – жильцов простыл и след...

* * *

Что наша жизнь? – Взволнованное поле,
А мы – подсолнухи, колышимые ветром.
Мы прячем наши маленькие солнца
От тьмы ночной, спустившейся на землю,
И, кажется, не в силах ждать рассвета...
Но мы всегда готовы распахнуться
Навстречу праздничному свету утра,
Когда светило – как большой подсолнух
В наивной детской сказке о гигантах...

А, может быть, мы – двери перед тайной,

Что нам самим не до конца известна?
Стучатся в двери люди и события,
А годы входят тихо, незаметно.
Пред кем-то мы приветно распахнёмся,
Перед другим – захлопнемся сурово,
Оставив третьим узенькую щёлку,
А в старости скрипим на всех входящих,
Пока не оборвёмся с ржавых петель...

— * —

Я забивал гвозди сомнения
в стену, очевидную, как теорема Пифагора,
но гвозди гнулись,
словно просители на приёме у важной персоны.

Я забрасывал сети в реку познания,
но попадались одни мелкие мыслишки,
а настоящие мысли приходят раз в сто лет,
как наводнения, затопляющие наш город.

Я искал истину в коктейле,
вытягивая её через соломинку,
но стакан пустел,
и в конце, вместо фанфар истине,
раздавались такие звуки,
какие бывают при дёрганьи ручки в известном месте.

И тогда я понял,
что каждый из нас плетёт свою паутину,
стараясь поймать в неё остальных,
но ветер бабьего лета срывает её и уносит в никуда.
И всё начинается сначала.

* * *

Я забываю имена,
Запоминаю только лица.
Что ж, имя может повториться,
А вот лицу, как синей птице,
Неповторимость суждена.

Я забываю в городах
Названья улиц и кварталов.
Названия – как это мало
В сравненьи с тем, что рассказали,
Очеловечась, города!

Люблю улыбку Пикассо,
Улыбку цвета и движений,
Тонов, полутонов и теней.
Полно надежд и сожалений
Холста шершавое лицо.

Уходят в море корабли.
Взволнован штурман: день туманный.
Какой-то физик окаянный
Покрыл чадрой меридианной
Усталое лицо Земли.

А мы в калейдоскопе дней
Транжируем годы, как монеты...
Желтеют письма без ответа,
Но верим мы, что встретим где-то

Улыбку добрую друзей.

— ... Дружище! Надо ж... Это ты!
Как жив - здоров? Ну ты подумай... —
Вдруг оглянулся город шумный,
Остановился город шумный
И улыбнулся город шумный
Улыбкой детской, неразумной
Сквозь беспрестанность суеты.

— * —

Я нехороший человек.
Я сам себя не понимаю,
В игру безумную играю,
Внутри меня всё цвета black.

Живу затем, чтоб только жить.
Иду, пути не разбирая,
Находки ветрено теряю,
А ничего не возратить.

* * *

ЯПОНСКОЕ МОРЕ

Колочками морских ежей
Усыпан был песчаный берег.
Шептало море всё нежней
О том, во что хотелось верить.

А я ловил его рассказ,
Такой изысканный и нежный,
И было всё, как в первый раз,
Когда рождаются надежды.

И проходили корабли
По тонкой кромке горизонта,
Боясь упасть за край земли
В пучины вечности бездонной.

* * *

МАСЛОВ В.Г., МАТРЕШКА

Ты словно матрёшка,
В тебе сто тебя.
Словно нарочно
Шутит судьба.
Порою грустишь ты.
Порой весела.
Я проклятый трижды,
Такие дела.
Отчаюсь порою.
Ну что за беда! —
Тебя я открою,
Ан нет, ты не та!
Листаю страницы,
Считаю листы.
Тебя уже тридцать,
Какая же — ты?
И понял однажды я.
Понял я, что,
В отдельности каждая
Ты ведь — ничто.

Тебя в совокупности
Всех твоих «я»
Люблю до безумности
Такие дела!

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕТСТВУ — 1

Повзрослели мы на много лет,
В сумрачной вуали детства годы.
В прошлое возврата больше нет,
В мир тот бесшабашный, беззаботный.
Как мы все хотели повзрослеть,
Ждал и я, когда же взрослым буду.
Но теперь я часто стал хотеть
В детство заглянуть хоть на минуту.
Вот бы окунуться мне назад,
В мир тот бесшабашный, беззаботный.
Почему так быстро дни летят,
Складываясь в месяцы и годы.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕТСТВУ — 2

Разлетелись мы все кто куда,
Растеряли мы старых знакомых,
Сбросить хочется наши года
И в снежки поиграть возле дома.
На большой перемене играть,
В туалете курить втихомолку.
И до дома тебя провожать,
Незначай как бы встретив у школы.
Не ходить отвечать мне к доске,
Мелом не рисовать диаграмму,
И пятеркой в своем дневнике
Никогда не обрадовать маму,
И за партией с тобой не сидеть,
Говоря на различные темы.
Остается нам только сидеть
И доказывать жизнь — теорему ...

МЕДВЕДЕВА В. А. **ДЕЛА ПОКОЛЕНИЙ**

Мы слышим: «Эпоха» со вздохом, без вдоха.
Листаем былые дела поколений.
Что значит эпоха? Лишь времени кроха.
А может быть, просто страница Вселенной.
Но где же границы у этой страницы,
И кто же ответит за верность суждений?
К ней трудно придти. Так легко ошибиться
В читаемых нами делах поколений.
Не мыслить убого, не видеть подвоха,
О, как избежать нам былых пои горений.
Чтоб наши потомки не думали плохо
О наших делах, как делах поколений.

ЕДИНСТВО

Нас закружило в общем круге.
И ты, и я теперь одно.
К тебе протягиваю руки.
Единство нам теперь дано.
Ко мне твои взлетают мысли.
Как ветры раннею весной,

И яркой радугой повисли
Твои желанья надо мной
В груди моей и днем, и ночью
Бьют родниковые ключи,
Как будто кто-то добрый очень
Дает мне к творчеству ключи.
Нет места мраку и печали
И сложность стала простотой.
В своих работах замечаю
Я вдохновенный почерк твой.
В стихах ли, в музыке, в картинах
И ты, и я теперь одно.
Как хорошо, что мы едины,
И что такое нам дано.

УМЕЙТЕ РАДОВАТЬСЯ

Умейте радоваться свету,
Умейте радоваться лету,
Умейте радоваться следу,
Что вывел вас на верный путь...
Остановитесь у тропинки,
Но не заденьте паутинки
И снова радуйтесь тропинке
И ветру распахните грудь.
Умейте радоваться звуку,
Чтр журавли уносят к югу.
И даже бешеную вьюгу
Примите именно такой.
Остановитесь на минуту,
Пусть звуки льются отовсюду,
Умейте радоваться чуду,
А чудо рядом под рукой.
Умейте радоваться другу,
Звонкам в квартиру, в двери стуку.
В беде протянутую руку
Примите для себя, как честь.
Остановитесь на пороге,
К своим поступкам будьте строги.
Но только радуйтесь в итоге
Тому, что вы на свете есть.

ВРЕМЕНА ГОДА

Я играю вьюгу, я играю вихри.
Успокойтесь руки, сердцу невтерпеж.
Расплескались звуки - это вихри стихли,
И весна проснулась, и запрыгал дождь.
Рассмеялось солнце, растопив сосульки,
Разбежался ветер и устроил звон.
И набравшись силы вдруг ручей забулькал,
и распелась речка: тири, тири, дон.
Расцвели ромашки, разыгралось лето,
Рассердились тучи, разворчался гром.
А за летом осень разрыдалась следом
И раскрасив листья бросила ковров.
И с последней каплей растворились звуки.
У рояля снова я и тишина.
Отвожу ладони, успокойтесь руки,
И оставьте время музыке для сна.
* * *

Мы любим винить обстоятельства
В своей невезучей судьбе ...
Пусть каждый из нас обстоятельно
Найдет недостатки в себе.
И взглянет на все отношения
И к близким своим, и родным,
Увидит ошибки в общении,
И менее станет раним ...
Мы слепы к себе, к сожалению,
И к доводам близких глухи,
Зато с преобладающим вожделием
Смакуем чужие грехи.
И снова виним обстоятельства
В своей невезучей судьбе ...
Как надо бы нам отстоять еще
В себе нетерпимость к себе.

Когда мы страх свой превращаем в прах
И в мыслях, и в движеньях, и в словах,
Тогда и радость оставляет след,
И в сердце яркий благотворный свет.
И трудности нам нипочем тогда,
Бедою не становится беда.
Все ладится и в мыслях, и в делах,
Когда мы страх свой превращаем в прах.

Хоть голосом, но быть с тобой вдвоем.
Услышать токи телефонных нитей.
Ведь даже в замешательстве твоём
Еще так много для меня открытий.

К ХУДОЖНИКУ

Краснеют гроздья у рябины,
На стекла дождь кладет штрихи,
К Вам осень просится в картины,
Ко мне врывается в стихи.
Она такой бывает разной,
Что я люблюсь и дивлюсь,
Порою в ней огонь и радость.
Порой уныние и грусть.
Вложив в ладонь перо и кисти,
Она уроки нам дает ...
Стучит дождем, срывает листья ...
И каждый видит в ней свое.

БОЖИЯ КОРОВКА

Вдруг божия коровка средь зимы
Спустилась на мое стихотворенье
Как солнышко, как божее явленье.
И мальчиков, и девочек кумир.
Не ведалось ей, что такое страх
— Хозяйка лета, ты взялась откуда?
Мне в этот миг так не хватало чуда.
Я не ждала, и вот оно в стихах

МОСКОВСКАЯ Л.Ф.

Я подымаю этот стих,
Да будет крепок он и горек,
За тех, кто счастья не достиг,
Кто остается в ранге голи.

За мертвый жгут очередей,
Чуть двинулся — и снова замер.
За бесконечный ряд людей
С опустошенными глазами.

За тех, которым руки вхруст
Постылым вытянуты грузом,
За тех, чей день безглазо пуст
И, как петля для шеи, узок.

За желтый снег с водой и грязью,
За изморозь и вязкий холод.
За пресный и бездушно праздный
Торжественный и блеклый город.

За худосочность и отечность
Детей из каменных дворов.
За тусклый взгляд витрин аптечных.
За скудность нужд и краткость слов.

За тех, которые из ситца
Не вылезают никогда,
За тех, которые креститься
Не забывают иногда.

За жизнь, что слишком коротка,
Без пробужденья, но с отбоем.
И за опору поводка,
С которым нас на свете двое.

* * *

К нашим домам
Твердой походкой
Подойдут люди со стальными глазами,
Чтобы передать далеко живущему человечеству
Силу наших рек.
Они весело взорвут береговые скалы.
И мы будем, стоя за их спинами,
Смотреть на то, как под водой
Исчезнут крыши наших домов.
И уходя с нашей земли,
Они сфотографируют на память
Стальные скелеты высоковольтных.
А мы станем работать на станции,
Которая будет сосать энергию
Из синих вен наших рек.
И только бессмысленные рыбы
Будут упрямо биться о бетонные плотины.

* * *

Пили вино красное,
Пили вино белое.
Много вина. Разного.
Впрочем — вина не было.

И говорили до темна.
И говорили до света.
Мы говорили допьяна,
Мы говорили досыта.

И не было горше муки
Для нас и суровой казни,
Чем разомкнуть руки,
Чем потерять сказанное.

Заря растекалась по небу,
В окошечном крае неба.
Неумолимо пробили
Часы, которых не было.

Есть у всего край,
Очерчиваемый тенью.
Скрипели непререкаемо
У нашего края ступени.

Куда мне погоню слать?
А свет нестерпимо резкий.
Я от тебя спаслась —
Задержала занавеску.

* * *

Ты пойдешь домой по морозной,
Выгнувшей спину над городом дороге
Холодное дыхание ночи
Будет торопить тебя,
Перекрестное эхо твоих шагов
Наполнит скрипучим звоном
Безмолвие ночи.
И чтоб не было тебе одиноко,
Луна начертит тень,
Бегущую по снегу вровень с твоими шагами
И дрогнувшая ветка березы
Осыпет тебя тончайшими брызгами поцелуев
Чтобы вернувшись,
Холодными губами
Ты целовал своих любимых.

* * *

Мы забываем дороги, осевшие в пыли.
Мы забываем рассохшие срубы отцов
Мы помним долго лишь золоченые шпили[^]
Да, рвущие ночь, лучезарные лица дворцов.

Мы разгибаем опухшие мерзлые пальцы
И, сметая колючий февральский снег
Мы от тепла начинаем тускнеть и плавиться,
И нужно назад — в бесконечный тревожный бег.

Но самых заветных, что ждут беспредельно веря.
Мы для которых надежда, опора, свет.
Мы понимаем, лишь осознав потерю.
Вдруг обнаружив: на исправление времени нет.

* * *

Здесь на белом снегу,
Лежавшем на болоте,
Стоит город.
И в его домах с плоскими стенами,
Живут люди.
Днем они добывают алмазы
Для чужих женщин,
А вечером

Протаптывают тропы в свои дома,
Вспоминая мечты о непривычной родине.
В которую они обязательно вернутся.
И придя в свои комнаты,
Обещают детям с внимательными глазами
Показать, леса, где текут теплые реки,
И города,
Ночи которых парят над тысячами огней.
А дети, засыпая, сладко их забывают.
В этом городе, стоящем на белом снегу.
Живут люди, просыпающиеся первыми.
Для того, чтобы первыми узнать.
Что день уже кончился.

Затянула погост крапива.
Стены добрые, что миром строились,
Что святая рука кропила,
Помертвели, сплошь в непристойностях.

Мы чужое нам все отринули.
Церкви древние обескрещены,
Обесчещенные стены старинные
Разрезают смертельные трещины.

И тяжелой обидой горю я,
Когда вижу былую святыню.
Мертвый храм, над погостом горюя,
На ветру цепенеет, стынет.

На распутье дорог один он
Онемевший, оглохший — растерян.
И растерзанные ветром седины
Только аист согревает телом.

Если зря все, что не нами строилось,
А мы бродяги без племени и роду,
Значит, нет у нас ни истории,
Ни истории нет, ни народа.

ОВСОВА Т.Л.

Я — золото, только никак не найду плотика.
Наверное, так и снесет меня к морю река.
Пылинками мелкими мне в мировой океан
Скатиться, рассеяться, не попадая в капкан.
Ни вырасти так в самородок, ни россыпью стать.
Обычная глина могла бы меня удержать.
Реки мне, возможно, помог бы крутой поворот, -
Но нет его, нет ... Я качусь к океану, вперед ...

* * *

Живу в витрине. Кругом зеваки.
Ну, что застыли, разинув рот?
Вам ни для бала и ни для драки
Моя одежда не подойдет.
Одним в ней тесно, другим — прохладно,
А третьим стыдно: зачем цветок?
Блюстителю нравов глядит злорадно,
Похож на насморочный платок.

Смешно и жалко. Ведь я не прячу
Изгибов тела и волн души.
Чего я плачу? А я не плачу!
А это дождь мимо глаз шуршит ...

ПОЛЕ

Приняв привычный дерзкий вид,
Судьба колесами скрипит,
А то и крыльями свистит,
А то и волнами играет.
Весна спалила старый снег,
И самолет берет разбег,
И флаг за зиму не поблек,
И с весел капельки стекают.
Таежный дух подул в лицо,
Дождей сужается кольцо,
И наша жизнь, в конце концов,
Свой ход нормальный набирает.
Приняв привычный дерзкий вид,
Судьба колесами скрипит,
А то и крыльями свистит,
А то и волнами играет.

СТАРОЕ ЗИМОВЬЕ

Изба была мала. И чья она была?
Хозяин был он хмур? Спокоен? Или мрачен?
За дверью — два весла, и медленно текла
Река его — Учур, — челнок волной раскачан ...
Со стен вода текла ... От печки до угла
Один твой длинный шаг. и два моих — поменьше.
Крапива проросла. Окошко без стекла.
Был раньше дымный флаг. И не водилось женщин.
Соль на краю стола. Газета без числа.
И прежних свеч огни на полочке дремали ...
Ты в печке ворошил, ты тени всполошил —
R углах всю ночь они топтались и шептали:
Что будет дождь с утра — такой же, как вчера,
Что мы покинем кров — и их не станет тоже.
Хозяин — жив ли он? Что видит из окон?
И где покой веков постройками тревожит?
Изба его была уютна и мала.
Он сам — бывал и хмур, спокоен был, и мрачен.
За дверью — два весла, и медленно текла
Река его — Учур — , челнок волной раскачан ...

НОЧНОЙ КОСТЕР

Первобытные люди
Глядят на священный огонь.
Им просить у огня
Предстоящей удачной охоты.
... Нам просить у огня
Предстоящей хорошей погоды.
Нам просить у реки;
Ты товарищей наших не тронь!

Искры выются в ночи.
Все о том же толкует река.
Говорим ли, молчим, —
Только жизнь недолга. Недолга
Что сменилось в веках?

Как таинственны связи времен!
В освещенных ветвях
Заплетается кружево крон ...

БИНОКУЛЯР

Друг ты мой, бинокляр!
Телевизор персональный,
Мой цветной, пятиканальный ...
Увеличим в сотню раз
Светосилу наших глаз.
И иглкой понемногу
Разгребаем микромир.
Начинаем с немагнитных —
Там среди капель апатитных
Рыжим крестиком — рутил.
Незнакомца раздавлю —
Изучаю, как хрустит он.
Тихо — будет шеелитом,
Громко — кварцем. Я люблю
Этот бисер драгоценный ...
Ах, колдун-калейдоскоп!
Жизнь давно б загнала в гроб,
Коль не ты б с твоей Вселенной!
Увеличь мне во сто крат.
То, что есть на самом деле, —
То, что так не разглядели.
Ах, волшебный аппарат!
Глаз к окошечку прижал ...
... Чай пускай заварят сами.
Я в коробке с чудесами,
Я - от бабушки — сбежал!

* * *

В мокрой до нитки энцефалитке,
В хлоплюющих сапогах ...
А под ногами — раскисший, жидкий,
Цвета какао тракт.
Ливень такой — хоть ножом рубите!
Август, или июль?
Вышел из леса Питеро-житель,
Шляпа сказала — буль! —
Бросил! И — пляшет. Голос застужен:
Боже! Давай еще!
Пляшут вовсю пузыри на лужах.
Скрыться бы под плащом ...
— Боженька, лей! — Голосит и пляшет,
Прыгает, как пацан.
Ну, чудеса, — молодец, папаша!
— Дед! — И хохочет сам.
Глаз эпидотовый, глаз зеленый
Жмурит, трясет башкой, —
Боженька, лей! Наливай по полной!
Боже! Давай еще!

ДОЖДЬ УТРОМ И ДНЕМ

Разрубать лианы дождя,
Раздвигать железным плечом, —
Или сжаться, не выходя,
«эмбриончиком» — калачом.

Пусть студенты растопят печь.
Впрочем, к дьяволу — пусть их спят.
Не умеет быть тихой речь
У восторженных воронят.

Перебудят ужо весь двор,
Ведро, чайники загремят.
На расправу начальник скор!
(А начальник-то — я сама).

... Выбираюсь я из мешка.
Отменяется «эмбрион».
Встанут ... к завтраку. А пока
Мир лианами оплетен ...

КОМПЛЕКСНОЕ ОПРОБОВАНИЕ

И. К.

Ау, ау! — Я ищу аурум.
Стону, стону, — я ищу станнум.
Месторожденье найти надо бы!
Подход комплексный — пойдем стадом.
Сапог сношено — ого, много!
За все годы собрать — груды!
И нет дьявола. И нет бога.
Но я все-таки жду чуда.

В закат — лягу. В рассвет — встану.
Вперед, мужество! Вперед, разум!
Найдем аурум. Найдем станнум.
И все прочее — найдем разом!

МОРОШКА

Первой об осени нас известила морошка, —
В мох на болотине желтой вцепилась ладошкой.
Мы хохотали, не верили, мы говорили:
Кто же в июле готовится к снежной кадрили?
Слез ее влажный янтарь поедая, мы так говорили ..
После нее — из-под зелени, из-под лазури, —
Стал полыхать по полянам рябиновый сурик.
Мы наблюдали. Смотри-ка, — твердили ехидно, —
Как разукрасилась, за три версты ее видно!
Кисти ее между рам выставя, твердили ехидно ...
Ну, а потом, пробираясь в лесу разноцветном.
Стали и мы камуфляж наводить на приметы
Скорой зимы, о которых мы не говорили.
Тени, помады и кремы друг другу дарили.
Хну золотистую приготавливая, мы не говорили ...

ОДЕССКИЙ И.А.

МЕРА

Что нам мгновения истории? —
Крупницы никому не видные! —
Века проносятся, как скорые, —
Ну, в самом деле, не обидно ли?
И измеряют их по-разному:
То мерой, физиками признанной,
То меркой, свойственной каждому,
То человеческими жизнями ...

Задумайся над этой истиной
Хотя б на малое мгновение,
И ужаснешься, как немыслимо
Мгновенно наше поколение.
Лишь на Земле едва появившись
Из тайных дебрей мироздания,—
Ничем, по сути, не прославишься,
Глядишь— приходит увядание.
Но можно все ж, — без притязания
Вписать себя в анналы вечности, —
Простор души и мудрость знания
Согреть идеей человечности.

КО ВСЕМ ЖИВЫМ

Любите, друзья, бескорыстно животных
И птиц поднебесных и тварей болотных!
Они — наши предки и младшие братья:
И это нельзя никогда забывать нам.

НАШИ ДЕТИ НА «РАКЕТЕ»

Вот идет теплоход.
Детский сад на нем плывет.
Пети. Тани, Коли, Вали —
Все давно о нем мечтали, -

Целый год мечтали дети
Покататься на «Ракете*».
И сегодня в день отличный,
Светлый, радостный такой

Мчит «Ракета» их привычно
Над бегущею волной.
Тут иначе и не скажешь —
Дух захватывает даже.

Только Петя не боится —
(Папа у него — моряк). —
Ну и пусть дрожат ресницы, —
Не от страха, просто так.

Таня гоже не трусиха,
Лишь смеется чайкам вслед.
Это ей на ухо лихо
Ветром сдвинуло берет.

А спросите-ка у Коли:
Может он боится, что ли?
И ему не страшно, нет —
Вы услышите в ответ.

Даже тихонькую Валю
Вы бы сразу не узнали:
Щечки алые горят,
В глазках искорки блестят.

И понятно всем уже —
Скорость детям по душе.
Им приятна без сомненья
Скорость, быстрота движения.

Завтра, смотришь на ребят, —
В звездный космос полетят.
А пока что наши дети
На речной летят «Ракете».

ОЛЕЙНИКОВ А.Н.

За первобытным редколесьем
Озера, ягель, прель весны.
Моей наместницы поместья
Совместно объезжаем мы.

Не прошумят лесные своды.
Не услышать скрипенья лык —
Здесь каждый дат свои невзгоды
Встречать молчанием привык.

Застыл на каменистой гриве
Немой всклокоченный ведун,
И не пробьется буйный сивер
Сквозь строй шероховатых дюн.

Земля, неведомая плугу,
Под нами стелет желтый плат,
И мы опять нужны друг другу.
Как много месяцев назад.

Мы узнаем свои владенья
И, позабыв бывшего хлам.
Идем бродить до обалденья
По нетрвоженным холмам

Мы не забыли, мы отыщем
Провал у синего ставка,
Где омывая корневища
Клокочет глотка родника.

Сидим, не преломив краюхи,
А жизнь, как в юности, проста.
Седое солнце прячет руки,
И наливная темнота
В своем величии безликом,
Срывая шепот наших слов,
Грозит потусторонним криком
Лапландских бородатых сов.

* * *

Династии мрут,
Опадают короны.
Столетия
Новые мысли родят.

И только вокруг испохабленных тронов
Все те же бессменные аргусы бдят.

За судьбы людей
Неусыпно радея,
Блюдут
Повторимых событий места —

Христа распинают за вредность идеи,

А Бруно сжигают во имя Христа.

* * *

Мы проживем без преклонений.
Без околотков и псалмов,
Без толстобрюхих накоплений
И застрахованных дорог.

Мы причащаемся природе.
Бросая смятую кровать,
Когда в огромном огороде
Начнут созвездья поспевать.

Мы повезем свои товары
За водяную непролазь,
Где деревянные амбары
Не знали вора отродясь,

Где поутру белобородка
Закопшится на копне,
Где в каждом дереве — находка
И откровенье в каждом пне.

Нам не прожить без расстояний.
Без передряг и перемен.
Мы не спеша садимся в сани.
Сминая полость у колен.
Перевязав литые бродни.
Мы выезжаем со двора
И обновляемся сегодня.
Как будто не жили вчера.

* * *

Этот камень родился в глухих подземельях Урала.
В полутьме он мерцает и светится странным огнем.
По изломам его изумрудная нить пробежала,
И созвездие солнц многоцветьем играет на нем.
Он лежал под дождями, хранился в избе рудознатца,
Был отрадой холопу, и мздою служил палачу.
Крепостная девчонка, в заветном не смея признаться.
На крещенскую ночь перед ним зажигала свечу.
Он скитался по селам, сверкал в отсырелых амбарах,
Он оплакивал смерть и оплакивал хлеб и вино,
Он будил своим блеском дерзания горщиков старых
И загадкою был, что решить никому не дано.
Он теперь в моем доме живет на столе подоконном.
И горячая жилка в его глубине залегла —
Может, это звезда, полоненная полем зеленым,
Или чья-то душа, воплощенная в слитке стекла?

* * *

Здравствуй, внух. Уныл твой дом.
Не горит огонь в очаге,
Зимний вечер ложится льдом
На хачкары в Старой Джуге.

Может помнишь — ранней весной ...
Впрочем, ныне — мы разных вер.
Здесь в горах обретался Ной,
И фаланги вел Искандер.

А сейчас — только вой ветров,
Да багряный закат сурьмян,
Да над красным лесом крестов
Причитают души армян.

Урожай лежит в закромах,
Как покойник царских кровей,
Сторожат на голых холмах
Пирамиды серых церквей,

И все так же чист Арарат,
И все так же бежит Занги ...
Жаль твой дом, заблудший собор
В нем моей не будет ноги.

Был талант тебе Богом дан,
А сегодня — подумать дрожь ...
Оскудеешь ты, как Севан,
Забывая, зачем живешь.

Состраданье как мир старо.
Но понять не могу, скорбя,
Для чего ты продал перо —
Для чего оскотил себя.

Для чего ты память порвал
И упорно стремишься вниз?
Стань мужчиной. Разбей кимвал
И Кибеле не поклонись.

* * *

Пробуждайся, Земля, пробуждайся.
Восприми облаков позолоту,
В животворном луче искупайся,
Улыбнись росяному болоту.

Пробеги ручейком через доли,
Поднимись над бездонным обрывом
Под покровом древес долгополых
Объявись глухариным призывом

Стань мечтою, прозрачной и тонкой
Оживи обветшалое слово,
Полети за влюбленной девчонкой
Перспективами града Петрова.

* * *

Уврачуй застарелые раны,
Возврати нам друзей и любимых.
Примири возмущенные страны.
Дай надежду сознанию гонимых.

На заклятье неверию злomu,
Напоенному кровью и потом,
Подари возвращение к дому
Потерявшим дорогу илотам*.

К. сироте и солдату подайся,
Не увечь океанов и суши ...
Просыпайся, страна, просыпайся,
Пробуди летаргичные души.

ПАВЛОВ А.Н.**ПОДАРОК-ШУТКА**

Дарю тебе еще шедевр —
Моих извилин крепкий узел,
Ты сам увидишь — это перл
По свету брошенных жемчужин.

Не потому, что гений я,
А потому, что мысль любая
Не пропадает в мире зря,
Моя, твоя или чужая.

Давай рассудим по законам.
Научным, строгим и простым,
Ну, наподобие формул Ома,
Что мир не может быть пустым.

Идеи наши материальны
И потому ломают мир
И даже те, что тривиальны,
Толпу тревожат, как кумир.

Кругом обман, во лжи погрязли,
Бежим на месте со всех ног,
В крови, в ура, в парадах — разве
Все это то, что сделал бог?

Кто жил до нас, тому, быть может,
Дни наши — чудной сказки бль,
Но нас уж это не тревожит,
Для нас их сказки — книжек пыль.

ПОПОВ В.Н.

В минуты сильных потрясений
Стихи не просят воскресений.
Стихосложение — не искусство,
А способ выраженья чувства.

Я вспоминаю: случаев не счесть,
Когда казался лучше, чем я есть.
И стыдно и грешно. Но может статься
Хотелось вправду быть, а не казаться?

* * *

Не старости как таковой
И не болезней бесконечных —
Боюсь утратить я навечно
Способность видеть мир впервой.
Не стану спорить, удивляться,
Привыкну ладить с подлецом,
Ко всем начну я обращаться
С доброжелательным лицом,
Сменю на путь по тротуару
Тропинки, лодки, поезда ...
Я так боюсь, что стану старым —
Утрачу юность навсегда!

В ГОРАХ

Кончились свечи. Кончилось мыло.
Сахару тоже чуть-чуть нехватило.

Галя нашла в рюкзаке огарок.
Скромный подарок.
Бесценный подарок.
Завтра в Катоне после прощанья
Снова я вспомню последний вечер,
Сумрак в палатке, это вниманье
Право, неплохо, что кончились свечи.

* * *

Солнечное сплетение —
Солнечные слова ...
Солнечное цветение ...
Кружится голова.
Только взглядом дотронешься,
Даже не тронув рук —
Словно в сплетении солнца
Мир засияет вдруг.
Яркое ощущение —
Крылья растут за спиной.
К солнечному сплетению
Несут и тебя со мной.
Да только что любим — не храним.
Ты ведь под настроение.
Можешь ударить словом одним
В солнечное сплетение.
И сразу в глазах темно.
И в мир закрыто окно.

* * *

Из сердца рвется крик: Постой!..
А я произношу: Идите...
И слышу в тишине пустой,
Как звонко лопаются нити.

И — брошен груз больших ночей.
И начинай опять сначала.
Ты столько раз была моей,
И все равно моей не стала.

* * *

И Бог не выдаст, и свинья не съест,
И не унять противной дрожи.
И надо бы на всем поставить крест,
И приказать себе не можешь.

Куда потрачена такая уйма сил?
Твой идол пуст — ни чувств, ни благородства.
Но до сих пор, Господь меня, спаси,
Волнует душу даже сходство ...

Еще живем, не умираем,
И мир с друзьями был бы раем,
Но мы страдаем, — оттого,
Что никого не подпускаем,
Когда теряем одного.

* * *

Постой, подумай, помолчи.
Лягушки квакают в ночи.
Под их волнующее пенье
Не так обидны огорченья.
Молись на скалы у реки,

На мочажины у осоки.
Здесь дружбы нашей родники,
Пути совместного истоки.
Углы ненужные сточи —
И год за годом, пусть не сразу
В брильянт шлифуются алмазы.
... лягушки квакают в ночи.

Упрям и глуп, хотя и сед.
Ничей не слушаю совет, —
Мол, значит, на роду ...
И вот одумался, когда
Пришла неожиданная беда.
Иду к тебе, иду.
А за окошком мокрый снег,
И жить не может человек
В горячечном бреду.
Пойди и ты навстречу мне,
Зажги на кухне свет в окне,
Иду к тебе, иду.

* * *

Пройди опасные года...
Спасибо мудрому поэту!..
Пожалуй, без поддержки этой
Давно исчез бы в Никуда.
Наотмашь бьют тебя подряд —
И тем опаснее, чем ближе.
Сплошные горечи утрат.
А надо выстоять и выжить.
Подумай: в сущности всегда
С бедой соседствует беда,
Приходят черной полосой ...
Умей сносить удары стоя.
Пройди опасные года.

Я трудно жил. Но даль была ясна.
Крылом Икара и землей Антея
Любовь твоя — меня спасла она.
Касаюсь лбом холодного окна.
Смерть не страшна.
Предательство страшнее.

Пусть годы увлеченность не сотрут.
Поэзия и труд неразделимы.
И по утрам уходишь ты в маршрут,
Как будто на свидание с любимой.

* * *

Терзает боль, гнетет беда,
Но твердо принято решенье
Не опускаться никогда
До выяснения отношений.
И заклинаю, и молю —
Побудь еще на пьедестале.
Я понимаю, ты устала ...
Живи и здравствуй, я люблю

* * *

И мы используем больницу,
Чтобы на миг остановиться,

Приклеить датчики на грудь
И в сердце горестно взглянуть.
Но даже и у края бездны
Не оставляй свои дела.
Покуда мысль твоя светла.
Покуда можешь быть полезным.
* * *

Оставив игры, бросив сказки,
Живем одни на целом свете...
И нам, как беспризорным детям,
Безумно не хватает ласки.
* * *

Друзья уходят — кто в командировку,
Кто в плавание, кто в небытие.
А мы, творя добро
и спотыкаясь,
Их лучшие черты у сердца носим,
Чтобы среди хлопот и дел насущных
Их сохранить и передать другим.
* * *

Поставил Бог предел желаньям,
Чтоб ограничить нашу прыть:
Постигнув тайны мироздания
Рискуешь жизнью заплатить.
Так в чувстве нежном и прекрасном
Таит коварство простота.
Б ней есть незримая черта, —
Переступать ее опасно.
* * *

ПРОСКУРЯКОВ В.В.

Хрипнут времени моторы,
Высоко звенит струна,
Дымом молодости спорой
Закипела седина.

Нам закладывает уши
У посадочных огней,
Заметает снегом душу
Пух июньских тополей.

Но, как в юности мятежной,
Ветер парус в море рвет.
Лебединым криком снежным
Продолжается полет.

И пока в душе сверчкует
Эта трепетная рать
Вы конца тому, тоскуя,
Не спешите отыскать,

И тревогою объаты
Горизонты новых дней,
За спиной сгорают скаты
Наших новых скоростей.
* * *

Осень, дождь со снегом
пополам ...
Листья вдоль обочин
Сбиты в мокрый хлам.

Мы с тобой допили
все вино.
Время расставаться,
Поздно и темно.

Ухожу спокойно,
без вины и зла,
Только вот немного
Горько от вина.

Сумерки, и дождик
не унять.
Новые дороги
Трудно выбирать.

Старая рябина,
грусть полей.
И горят, как судьбы,
Грозди среди ветвей.

* * *

Теплое море, дни чередой ...
Солнце, море и я с тобой.
И серебристых ночей затмения.
И радость, близость до испуга
Как будто завтра уже ненастье,
Как будто ловим чужое счастье.
И каплями крови — сок граната.
И ты все время спешишь куда-то,
О, запах дрока, родные руки,
Авансом — горечь и боль разлуки.

Я закую свою мечту
И в кандалы ее одену.
А совесть и любовь свою
Пред всеми догола раздену.
А одиночество и грусть
Я переплавлю на удачу.
Молве отдам печаль в придачу,
Молитву вспомню наизусть.
Пусть озарится листопад
Твоей любовью молодой.
Переменил я шаг и взгляд
Той растревоженной весной.
Любила, — сказала ... Убила.
Любила, — словцо, как могила.
Как будто на жизни — разрухе
Танцуют чернухи-старухи.
И вороны тут же пируют,
Над розовой костью жируют,
Ее шлифуют добела, —
А ты ведь нежная была ...
От нашей нежности осталась
Рябины высохшая гроздь,
И в крышку гроба мне вбиваешь —
Я слышу — ты — свой первый гвоздь.

* * *

Милая девочка, брось эту муку,
Я не могу побороть нашу скуку,

Я ни плохим, ни хорошим не стал,
Все потерял и тебя не достал.
Некто долги оплатить не успел,
Взглядом тяжелым на нас посмотрел,
Боги тебя в должники отнесли.
Вздыбились кони и вскачь понесли.
Кони хрипят. От кнута, от щелчка
Пеной и кровью дымятся бока,
Выпал судьбе твоей черный билет.
Каркает ворон — надежд уже нет.
Но по земле через боль и страданья
Ангел идет — воплотить обещанья.
Стонет он тихо, ругает бессилье.
Ласка и нежность не знают насилья.
Господи, Боже! Да сколько же можно.
Стыдно, глаза мне поднять невозможно
Свято прошу, прекрати эту пытку —
Дай нам еще раз на счастье попытку.

На лед упала раненая птица,
И криком боли полнится земля.
Крылом срезая красные зарницы,
Клин уходил за синие моря.
Уходят люди. Тает с ними время.
Уйдет и то, что любим мы теперь.
Неотвратимо, в каждое мгновенье
Все нарастают тяжести потерь.

* * *

Просыпайся, Оленька,
Будешь март встречать.
На картинках музыку
Будешь рисовать.

Светлые, веселые
Краски разведи,
Нарисуй узорами
Все, что впереди.

Замешай зеленое
С радостью своей,
В голубое выпусти
Белых лебедей.

Посади на жердочку
Солнышка желток,
И не надо черного
В жизненный поток.

Наши лица серыми
Тоже не пиши,
Надоело — серое,
Словно пыль души.

* * *

Давно не слышен старый блюз.
Фортуна где-то затерялась.
Мы жизнь все пробуем на вкус —
Хотим понять, что нам досталось.
Но, чтобы веру разбудить,

Найти надежду, снять усталость,
Нас жизнь все пробует на вкус,
Все хочет знать, что в нас осталось.

Где звезды гаснут в полете,
Где боги распяты вновь,
Безмолвствует на эшафоте
Растерзанная любовь.
Тревожна любви утрата,
Черствеют людей сердца,
Вот брат и идет на брата,
И сын предает отца.

СКЕНА Л.А.

31 ДЕКАБРЯ 1952 ГОДА

Мы не поднимем бокалов сегодня,
Вспомнив друзей и родных.
Но как торжественный тост новогодний
Пусть прозвучит этот стих.
Выпали нам невеселые годы
Горя, беды и невзгод.
Встретим же с верою в нашу свободу
Мы наступающий год.
Пусть не сжимается сердце от боли.
Мысли печальные прочь!
Будем мечтать о покинутой воле
Мы в новогоднюю ночь.
Время придет, и, как прежде, бывало,
С милыми в доме родном
Сдвинем мы радостно наши бокалы,
Полные светлым вином.

ПАТРИОТИЗМ

Кто друг согласия и свободы
И носит имя патриот,
Тот уважает все народы
И почитает свой парод.

Однако, и другого рода
Подчас бывает «патриот»:
Он ненавидит все народы
И презирает свой народ.

НА МОТИВ МИХАЛКОВА

— А у нас в квартире газ
Зря горит четвертый час.
— Пусть хоть целый год горит
Он страну не разорит.

— А у нас водопровод, —
Целый день вода течет.
— Велика ли в том беда?
Нынче дешева вода.

— А у нас вчера был гость.
Пил он с папой, и пришлось
Нам соседей вызывать —
Папу с гостем разнимать.

— А у нас, смотрите, гвоздь.
— Он кривой и ржавый, брось!

МЕЛКОМЫСЛЕННЫЕ СЕНТЕНЦИИ

На пользу умному идет чужой урок.
А дураку и свой не впрок.
С хорошей приправой
Съешь и отраву.

Кувшин ли упадет на камень.
Обрушится ли камень на кувшин, —
Итог в обоих случаях один.
Что пьянство вредно, спору нет,
Но уверяю вас.
Что дым чадающих сигарет
Вредней во много раз.

СИДОРЕНКО В.П.

Я уйду — и сбудутся
Все твои желания.
Ты не будешь хмуриться
И впадать в отчаянье.
Если в жизни я твоей
Камнем был привязанным —
Оторви меня скорей,
Не считай обязанным.
Полыхнет зарницею
На прощанье молния.
Больше не приснится мне
Счастье наше вольное.
Только ветер строгий
Освежит мне голову,
Да нальются ноги
Тяжеленным оловом.

Мне бы рук твоих слегка коснуться —
Прикоснуться и поцеловать,
И на время птицей обернуться,
Чтобы в небо с рук твоих взлетать.
И коль чудо это сотворится,
Ничего не стал бы я жалеть:
Помоги хоть раз с ладони взвиться,
С высоты на землю посмотреть.
Необъятный мир, залитый светом,
Край родной, в котором ты живешь,
Ты хоть раз спроси меня об этом,
И ответ в глазах моих найдешь.

СИЗОВ А.Л.

Ты приходишь во сны неожиданно,
Словно молнии яростный свет. —
Удивительно!.. Где ж это видано,
Чтоб тобою оставленный след
Обжигал, как клеймо раскаленное,
Так тревожил мне память и грудь,
Словно жажду неутоленную
Из души выворачивал грусть?

В чем причина? —
Того не ведаю,
Что на ранней весенней заре
Я во сне за тобою следую
Так нелепо, как май в январе?

* * *

Ночью бессонной, когда очень поздно,
Можно услышать, как шепчутся звезды.
Можно увидеть, как в мироздании
Звезды сигналият друг другу мерцанием,
Как в темноте, объявшей округу,
Звезды летают в гости друг к другу,
Как в поднебесье светла и полна
Смотрит с улыбкой на Землю Луна.
С грустной улыбкой, с задумчивой лаской
Словно явилась прямо из сказки,
Словно явилась к нам не случайно,
Чтобы поведать некую тайну ...

* * *

От чего же грусть живет на свете?
От того, что осень на полях?
Или от того, что шальный ветер
Грубо раздевает тополя?
Или от того, что за лесами
Девушка любимая не ждет?
Или от того, что знаем сами —
Молодость уйдет и не придет?
Может мы душою оскудели
И живем, не глядя в небеса,
Многое познали, рассмотрели,
Разучились верить в чудеса?
Нет! Скорей всего причина грусти
В том, чего не сразу и поймем —
Подтверждает молча это чувство
То, что мы пока еще живем!

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Ушли метели, Зимней грустью
На мир ночная пала тень,
И веет древней-древней Русью
От заметенных деревень.

Зажглись огни в глазницах окон,
Струится белый дым из труб,
Заиндевелые волокна
Покрыли темных бревен сруб.

Мороз, безветрие и лунность.
Повисла чутко тишина ...
И, проезжая, всем люблюсь
Я из вагонного окна.

СОЛОВЬЕВ В.В.

Жизнь успешно завершилась.
Как печальна эта милость
Благодушного Творца.
Чем программа пилигрима
Заклучилась? Словом «мимо».
Свет любимого лица
Упоительным виденьем
(В целях предопределенья)
Воссиял, но не согрел.
Разминулись наши судьбы,
Разминулись наши души.
В каждой зрел чужой удел.
Лишь достойный сожаленья
Скудный дар стихосложенья,
Ночь изрезав на куски.
Словно жалуясь Богу,
Затихая понемногу,
Иногда стучит в виски.

* * *

Мокрый город зимний Сочи.
Сыплет дождик (сеет насморк)
Виснут капли на деревьях,
Блещут сладкие дождинки.
Непонятные слезинки.
Уезжаю, уезжаю ...
Перестуки, стыки, стуки ...
Точно юная собачка
Возле каждого забора,
Возле каждого названья
Тянет время электричка.
«...по дороге зимней, скучной»
Входит тучный подполковник.
Сел, пыхтит, косится глазом ...
Под откосом плещут волны
Удивительного цвета
Меланхолии зеленой,
Черноморской зимней скуки
Перескоки, перестуки ...
Завтра будет понедельник.
Пролетело мимо, мимо
Словно легкое виденье
Воскресенье ... Воскресенье?
Не воскрес, остался букой.
Перестуки, перестуки ...
Во вчера скользит, уходит
Мокрый город, зимний Сочи.

* * *

Белоламеинным прибором
Блещет солнечное море ...
Белокаменные зубы
Скал оскалены в улыбке
И кусают нежно небо...
В волосах красавиц сосен
Страстно стонет южный ветер,
Белопенным поцелуем
Увлажняя ствол и корни ...
Пара ящериц зеленых
Друг на друга смотрят томно ...

И деталью неуместной
Вдалеке дымит кораблик.
А вчера, цветущей ночью,
Певчий кот навечно клялся
Обольстительной руладой,
(И успел украсть тараньку,
Припасенную для пива!)
Из чего я заключаю,
Что весна, увы, вернулась,
И пора сажать картошку ...

* * *

И стылый дым полен последних
Не согревает натошак.
У них — начальников наследных —
Нам кажется, совсем не так,
Вкушают там тепло и мясо,
Горит там аварийный свет.
Мы с ними одного лишь класса,
— Не краса — в этом есть совет:
Держась своей дороги нудной,
Сам заготовливай дрова
И жуй траву, пока подспудной
Не оказалась и трава.
Из дома выходя по делу,
Покрепче двери запирай.
Ни против ветра, ни по ветру
Не плрой! (Но сбегай за сарай ...)
А звезды по небу гуляют
В мехах облезлых облаков ...
Я не гляжу.
Я очень занят,
Сюда — туда, и был таков ...

* * *

Для перемены мест и обстоятельств
Нам не хватает смелости и сил,
Для исполненья наших обязательств
Мы не имеем времени. Нам мил
Веселый гул пустой от соли фразы,
Стаканов звон и дух дешевых вин.
Чесоткой телевизорной проказы
Мы тешим в черепушках парафин.
Мы ночью спим, мы днем сидим на службе.
Мелькают сутки. Скоро Новый год.
В эфире бред о мире и о дружбе,
И нас выносят задом наперед.
И немота. И в суеде всевечной
Не ощутим глядящих в душу глаз.
И. теснотой разъятым бесконечно,
Не слышен нам тревожный Божий Глас.

* * *

Алмазная россыпь на бархат .
Осенние звезды.
Холодных лучей
Перекрещены тонкие стрелы.
Тихи и прозрачны
Пространства земные
И неба.

И ночью холодной
Блещут алмазные очи.

Морщинисты голые руки
Осенних деревьев.
Безмолвны деревья,
Тиха и печальна их участь,
Душа их умолкла,
И ветер унес одеянья.
И умерли звуки в лесу,
Даже шелест не снится.

И глядя на небо,
Объяты осенним покоем.
Печальны и мудры, как будто,
Становятся люди,
И в тихой надежде
Готовят дрова и припасы ...
А небо глядит,
Бесконечное звездное небо.
* * *

ТАФЕЕВ Г.П.

Мир ханжи ограничен и тесен.
Лютер нам заповедал стихом:
«Кто не любит женщин, вина и песен,
Тот живет всю жизнь дураком!»

Есть слова — безделушки
Слаще обсосанного леденца,
Рассчитанные на нежные ушки
И чувствительные сердца.
Но, если душа охвачена
Предчувствием катастроф —
Медленно выворачиваешь
Тяжелые бульжники слов.

Радости грустной и горя веселого
Нет на русской земле ...
Странные мысли приходят в голову
В древнем Псковском кремле.

У ГРОБНИЦЫ ТАМЕРЛАНА

Прохладой веет от гробницы
Того, чья слава леденит.
Здесь спит Война, но ей не спится,
И черный камень шевелится
И просит крови, слез и битв.

Борьба кипит. Призывы гулки.
Мы с детства против всяких схизм ...
Но нет давно французской булки
И выжил космополитизм.
* * *

Над грязной землёю танцует снег
Белым, пушистым роєм ...
И только в твоей грязи, человек.
Зима ничего не скроет!

ИЗ ГЕТЕ

Добро потерял — кое-что потерял.
Честь потерял — не все потерял.
Если же мужество ты потеряешь в борьбе —
Лучше б вовсе тогда не родиться тебе!

В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ

Святые смотрят непреклонно, —
За ними Русь с мечом стоит.
И древнерусская Мадонна
О наших горестях скорбит.
А наверху — спокойно, плавно,
Не покачнув литых свечей,
Уходят в вечность Ярославны
В сияньи юности своей.

* * *

Рычат самолеты на старте,
Вгрызаясь в закатную медь,
Готовые в волчьем азарте
За солнцем вдогонку лететь.
Прекрасны могучие крылья
Стремителен дерзкий полет ...
Что может быть хуже бессилья,
Когда тебя Время зовет?

* * *

Как чист осенний небосвод
В разводах голубого,
Когда природы плач прервет
И улыбнется снова.
Пусть на сердце тяжело,
И жизнь не удастся, —
Верь: светлой радости тепло
Еще не раз вернется!

* * *

Голые березки
В белом снегу.
А дубы обноски
Листьев берегут.

Все кругом застыло
Как налету.
Разве память в силах
Согреть пустоту?

ТРЕЙНИС В.С.

НА ВОКЗАЛЕ

На вокзале, на вокзале
Разношерстный люд.
На вокзале в общем зале
Парни водку пьют.
Из граненого стакана.
Просто, без закуски.
Нагло лезет из кармана
Горло водки русской.

А напротив две девицы.
На лице румяна.
Накрахмалены ресницы.
Обе полупьяны.
Пассажир глядит устало
На лихую молодежь.
Электричка опоздала.
Вечно что-то ищешь, ждешь.
Нету чаю на вокзале.
Лишь холодный лимонад ...
Люди корчились, зевали
И храпели невпопад.
На скамейке, тихой сапой,
Осмелевший таракан,
Тронув грани тонкой лапой.
Влез в оставленный стакан.
Опьянев от крепкой влаги,
Припадает на крыло.
И в хмельной своей отваге
Лижет пьяное мурло.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Прилетел к нам черный ворон,
Прилетел, но не с небес,
На крылах железных ворон,
Острый клюв наперевес.

Дверь от стука задрожала,
Задрожало все вокруг.
Мать к груди меня прижала.
Черный ворон стук, да стук.

Мать, ослабшими руками,
Дверь открыла, наконец.
Подошел и рядом с нами
Встал встревоженный отец.

Пол царапая когтями
Входит ворон сам не свой,
Следом свита с фонарями.
Дверь прикрыла за собой.

Свита в черном опереньи,
Револьверы в кобурах.
Вся семья моя в смятеньи,
И меня опутал страх.

Между тем, гремя крылами,
На отца кидая взор.
Каркнул ворон: «Мы за Вами,
Вот и весь наш разговор».

«Здесь какая-то ошибка».
Побледнев сказал отец.
В тишине короткой, зыбкой,
Стук испуганных сердец.

Борон лапу поднимает:
«Ордер вот на Ваш арест».
Обыск в доме начинается
И отца глазами ест.

Увели отца. Он сгинул
За забором долгих лет.
Год который уже минул.
А его все нет и нет.

Власть у ворона крутая.
Гнет она в бараний рог,
По Сибири нас мотает.
Злой висит над нами рок.

Я сынок врага народа.
Я чужой среди своих.
Вихрь ежовской непогоды
Смел родителей моих.

Там, за мрачной пеленою.
Бродят тени страшных лет
Не забыть, они со мною,
И в душе когтистый след.

ХОРОШО НАМ С ТОБОЙ НА ЮГЕ

Хорошо нам с тобой на юге.
Хороша волны бирюза.
Почернели мы в солнечной вьюге,
Только зубы блестят и глаза.

Хорошо нам с тобой на юге.
Кипарисы над нами парят.
В раскаленном небесном круге
Все недуги наши сгорят.

Ну, а пепел развеют ветры,
Не оставив даже следа.
Под веселым взглядом Ай-Петри
Нас врачует морская вода.

На заре, по крутой тропинке,
Мы спешим к перламутру вод,
Посмотреть, как в лиловой дымке
Начинается солнца восход.

А под вечер уходим в горы,
Где живет болтливый ручей,
Говорит, что домой нам скоро
В край прохладных, седых ночей.

Хорошо нам с тобой на юге.
Хороша волны бирюза.
Далеко еще белые вьюги
И зимы голубые глаза.

* * *

Порой под звездою пророчества,
В течении тягостных дней,

Я плыл по реке одиночества,
Не видя, не слыша людей.

Вокруг берега опустевшие.
Столбы от бывшего моста,
Погосты и избы ослепшие
И церковь вдали без креста.

И, кажется, птицы покинули
Безлюдные эти края.
Лишь вороны крылья раскинули,
Над жутким безмолвьем паря.

Да ветер, как странник кочующий.
Выискивал чьи-то следы.
Деревья и травы бичующий,
Он вдруг замирал у воды.

И слышится песня далекая.
Не верится: явь или сон ...
Печаль в ней, как омут, глубокая.
Земли обездоленной стон.

И падают сумерки серые
В забытые богом места.
И кажется, ангелы белые
Глядят на меня из куста.

И дальше плыву я в отчаяньи
Живые найти берега.
И гнется в суровом молчании
Реки голубая дуга.

* * *

Вечер крался к избе вдоль забора.
Ночь копала могилу для дня.
Из-за дальнего, темного бора
Бледный месяц глядел на меня.

Растворилось пространство во мраке.
Подползла, чуть дыша, тишина.
Лишь лениво взбреднули собаки,
Да плеснулась речная волна.

И, казалось, что вечность споткнулась,
Заблудилась, застряла во мгле...
Боль в душе моей вдруг шевельнулась,
Смутно время на нашей земле.

И неясные, грустные думы
Все катились, катились ко мне ...
Млечный путь переметные сумы
Полны звезд уносил в вышине.

Что же ждет нас в конце марафона?
Светлый луч или черный тупик?
Я кричу в звездный диск микрофона
И Вселенная слышит мой крик.

ТУМАНОВ В.Л.

Бумаги чистый лист — как будущего тень.
И в лени лет, ушедших в ожиданьи,
Мне надо знать — придет ли этот день
Готовности и ясного сознания?
Бумаги чистый лист — что поле под луной.
Пройди его — ведь ты не знаешь страха:
Прожить ли жизнь, не мучаясь виной,
Косые тени строк швырнув с размаха
На чистый лист ...

ЧАЙКА А.

ПАСТЕЛЬ

По погоде серой,
меж полей-дорог.
Понукая лошадь,
ехал мужичок.
Теребил бородку,
глядя на кусты.
Схоронил старушку —
эх ты, растуды.
Мне б напиться вволю —
думал про себя,
Как же так, старуха!
Плохо без тебя.
Грустно или весело —
все теперь одно.
Тише ветра вольного
старое гумно...
А дорога вьется
меж полей, берез.
Плачет небо серое,
сразу столько слез...
На телеге съезжась
от тяжелых бед,
Поминая старую,
горько плакал дед.

ШАФРАНОВСКИЙ И.И.

ДОСТАВАЛОСЬ, ОХ, И ДОСТАВАЛОСЬ...

*Гастон Тисандье Мученики
науки. Перевод под ред.
Ф. Павленкова.
Спб. 1880*

Доставалось, ох, и доставалось
Первооткрывателям в науке! —
Рассказал лишь маленькую малость
Тисандье про горькие их муки.
Хохотом, сверх-холодом, кострами
Убивали бедолаг великих.
Ну, а после — в золотые рамы
Втискивали пасмурные лики ...
Крикнуть бы мучителям: «Не смейте!» —
Но, пожалуй, это и напрасно:
Ведь известно, — завидущей смерти
Племя пламеносцев не подвластно. —
Имена их полыхают звездно,
Разрывая в клочья злые тучи!..

Это так. И все-таки не поздно
Выдвинуть непреходящий лозунг:
«Прежних — помнить, будущих — не мучить!»

АРИСТОТЕЛЬ И ПРОСТОФИЛЯ

*Насекомые — класс беспозвоночных
животных типа членистоногих. На
груди обычно 1-2 пары крыльев
и 3 пары членистых ног.*

Энциклопедический словарь

«Восемь ног у насекомых!»

Отчеканил Аристотель.

Словеса его — законы;
Восемь ног — на том, и стойте!

И столетья хор ученых
В толкованьях многотомных
Повторял о насекомых:
«Восемь ног у насекомых!»...

(Неподсуден Аристотель!
С Аристотелем не спорьте!
Новых выводов не стройте! —
Восемь ног, — на том и стойте!).

Но какой-то Простофиля
Вдруг отметил то, что есть:
«О восьми вы нам бубнили.
Я же вижу только шесть!»

Зашипели злобно старцы:
«Заточить паршивца в карцер!
Не давать ни пить, ни есть!..»
— Ну, а ног-то все же шесть!..

О, история науки!—
Стариковские потуги
И— как молнии сквозь пыль,
Вспышки юных Простофиль!

СТУДЕНТЫ И НЬЮТОН

*... сохранился рассказ, что лекции
Ньютона успеха у студентов не имели,
плохо понимались и плохо посещались.
Иногда будто бы Ньютон просто не
находил слушателей в аудитории и
возвращался домой.*

*С. И. Вавилов. Исаак Ньютон.
Изд. Академии наук СССР. 1945.*
Не слушали студенты Ньютона,
Глумясь над париком и мантией. —
Тянул он нудно и запутанно
Свою заумь по математике.

Ох, и тошнехонько же юности
Проглатывать такие трудности! —
Ведь нет ни капельки романтики —
В колючих дебрях математики ...

А Ньютон, потрясая космами,
Делился чудом с желторотыми:
В углу, — за пыльными ретортами
И фолиантами истертыми —
Рождались ... ИНТЕГРАЛЫ КОСМОСА!

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАДЕДУШКА
*Ученый швейцарец И. Я. Шейхцер (1672—1733)
считал большую окаменевшую саламандру —
«грешиником, погибшим во время всемирного
потопа».*
*Б. Ружичка, К. Диттлер. О чем рассказывают
окаменелости. — Изд. «Наука», 1964.*

На рисунке Шейхцера, Иоганна Якоба,
Остов допотопного человека, якобы.

Откопав скелетище в ледниках Швейцарии,
Шейхцер велемудрые тиснул комментарии.

В них он проповедовал, что герои библии
Были великанами до всеобщей гибели ...

После обнаружилось: кости те — не пращура,
А останки бранные вымершего ящера!

Над беднягой-Шейхцером потешались многие,
Все же он — прадедушка Палеонтологии!

БАЛЛАДА О ПРОСЛАВЛЕННОМ КАРЛЕ ЛИННЕЕ
И ЕГО СУПРУГЕ САРЕ-ЛИЗЕ

*Поклонники Линнея устроили в Упсале Линнеевский музей...
Тут были и чашки с растением "Линнея", и лин-
неевская бритва, и его жениховские помочи, и даже бельевой
шкаф. Было все, кроме научных коллекций.*
И. Я. Плавильщиков. «Гомункулус». 1958

Достославный Карл Линней
Был женат на Саре-Лизе. —
Юным он мечтал о ней.
Как о сладостном сюрпризе.

Годы шли. Великий швед
Прогремел на целый свет.
Дома ж — кухня Сары-Лизы,
Тряпки, дразги и капризы.

Но, когда скончался муж.
Плохо стало бедной Саре,
И она за жалкий душ
Продала его гербарий.

Груды раковин к книг,
Кипы манускриптов старых...
Это все английский бриг
Вывез лондонцам в подарок.

«Вывез?!..» — шведским королем
Овладела вдруг досада, —

За английским кораблем
Шлется грозная армада.

Но догнать не удалось,
Ускользнули в ночь корсары.
И король, срывая злость,
Проклинал безумство Сары.

Произнес он в сейме речь,
И себя и Карла славил.
(Лучше б вовремя сберечь
То, что Карл стране оставил!) ...

Нынче Упсальский музей
Для линнеевских друзей
Выставляет пару чашек
И кусок его подтяжек.

РИСУЙ, ХУДОЖНИК, ЛОМОНОСОВА!

*Меж стен и при огне лишь
только обращаюсь ...*

М. В. Ломоносов

Рисуй, художник, Ломоносова
В поту и копоти, небритого,
Без парика среброволового
И без кафтана, златом шитого! —

Упрямо напрягая мускулы,
Щипцами в пламени орудуя,
Ворочает он глыбы рудные,
А в мыслях — атомы-корпускулы!..

Бессонна ночь. — Трудясь над одою
Живой урок студенту-лодырю —
Царице он рифмует правила
И тут же именует дьявола!..

С УТРА — ученое собрание,
Спецов заморских самомнение,
Полупрезрение, сомнения,
И всплески солнечные гения —
Науки русской утро раннее!
Рисуй, художник, Ломоносова,
На крыльях времени летящего, —
Круглоголового, курносого,
Задиристо-звонкоголового,
Громокипяще — настоящего!

КУЛИБИН

Царица проплыла в свои покои,
Отслушав утомительный молебен.
Бегут к ней златозадые лакеи:
Приема просит бородач — Кулибин.

— «Кто он такой? Механик-самородок?
Ну что ж, пускай придворных позабавит!»
И вот среди зеркал, амуров, радуг
Кулибин демонстрацию готовит. —

«Глядите: золоченое яичко,
Внутри — с часами ангельчики-крошки». —
И крикают вельможи: «Эка штучка!»
Кудахчут дамы: «Куколки! Игрушки!» ...

— «А вот — модель моста. Подобно арке,
Через Неву перешагнет он смело...» —
— «Не поиграть ли в фанты или жмурки?
Нас этот мост интересует мало!...»

Бредет домой Кулибин седобровый.
Крепчает ветер и Нева бунтует. —
«Нужны им побрякушки да забавы:
На дело, вишь, умишка не хватает!»
* * *

АВИАЛИНИЯ: ЛЕНИНГРАД — ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ

По следам Эмпедокла и Плиния
Я к вулканам лечу на поклон. —
Долгой жизни упрямая линия
Не желает ползти под уклон!

Я сегодня — светлей именинников,
Я сегодня — отнюдь не старик. —
Преодо мною, Степан Крашенинников,
Твой измятый ветрами парик!..

В небе — сполохи («демоны» Тютчева!)
Содрогаясь, гудит самолет. —
Принимайте ж «голландца летучего»,
Горы-факелы, — пламя и лед!

ШМОТКИН В.В.
ИЗ ЦИКЛА «ТРАССА УХОДИТ НА СЕВЕР»
Полета шестая партия —
Флажок воткнул на карте я.
И он затрепетал. как мотылек.
Полета шестая партия —
проверенная гвардия Геологов,
строителей дорог ...

* * *

Отрекся?
Наконец то...
Долго ждали!
Вам будет легче без своих идей.
Наперебой с улыбкой поздравляли
И проводили с шумом до дверей.
И вот ворота настежь распахнулись,
За ними — молчаливая толпа,
Немой вопрос, немой ответ столкнулись,
И он украдкой вытер пот со лба.
Что бледен ты стоишь в огромном зале?
Иное время, говори ... смелей!
Но ты отрекся ... Хоть и не пытали.
Жаль ... Ты отрекся от своих друзей.

В печи догорают поленья.
Закончен бессмысленный спор,
И лопнули слабые звенья.
Рванулась душа на простор.
В ладонях осколки счастья
Зажму я до боли в груди
И брошу их в слякоть ненастья.
Услышав: «... я жду ... приходи».

* * *

Ночь. Ижма. Мрачно, как в могиле.
Тень от промерзшего столба,
луны осколки в луже.
В моей коробке черепной
Гнездо сегодня свили
Три стаи мыслей мрачных,
ошалев от стужи.
Душа, ветрам открытая, остыла.
Устал мотор, едва-едва чихает.
Тень от фонарного столба
Меня
так
придавила
И изуродовала
так,
Что вряд ли кто узнает.

ОСТАНОВКА НА «ЦЕНТРАЛЬНОМ»

Зима Мороз. В балок вползает вечер
И дышит всеми фибрами души.
Мурлычет радио, с экрана смотрит Тэтчер
А настроение — хоть сухари суши ...

Прижало к стулу двухнедельной перегрузки
Витает в голове пустой туман.
Бывает так после бутылки водки русской.
Бывает так, когда порой изрядно пьян

Махну рукой на разные заботы.
Как надоела эта суета.
Прекрасна жизнь! И к черту про работу —
Там все не так, она всегда не та

Пусть волком смотрят вслед,
Трясутся за портфели,
В плену сомнений свяжут — и под танк.
Я знаю — оживу в конце недели,

Отрепья из забот сорву,
Все будет то и так.
Ночной порой, один среди метели
Пытаюсь спорить с тьмой,

Вгрызаюсь в мерзлый снег.
Еще кварталный столб, еще одна неделя
Осталась позади.
Жизнь продолжает бег

ШУВАЛОВ Ю.В.

МЕЧТА

Моя далекая звезда,
К тебе свой взор я обращаю,
Тебя на помощь призываю,
Когда случается беда.

Когда душа полна тревоги,
Одна ты светишься во тьме,
Тропинку освещаешь мне.
И не даешь сойти с дороги.

В своем сиянии чудесном
Ты так прекрасна и мила,
Что если б вдруг с небес сошла,
То стала б жизнь не интересна.

Великий дар, творенье бога,
Пусть свет твой вечный, неземной,
Я счастлив, что мечту рукой
Нельзя, как женщину, ... потрогать.

* * *

Хрупкая ваза с чудесным узором,
Что ты хранишь в глубине.
Скрытое белым китайским фарфором
И недоступное мне.

Тайна какая природою скрыта,
Яд, иль живая вода,
Может быть, ты уже кем-то испито,
Вечное «нет или да?».

Взором сверкающим я проникаю
Сквозь оболочку твою,
Запах и вкус наяву ощущаю,
Влагу волшебную пью.

Мир исчезает в небесном тумане,
Прочь улетает душа,
Мысль возникает, как запись в коране,
Строчкой неровной дрожа.

Полночью день ото дня отделенный
Нас разделяет с тобой,
Мне не до сна, я стою изумленный,
Вазы люблюсь красой.

* * *

ОСЕНЬ

Полюбил я осень за убор багряный,
За грибную россыпь по лесным полянам,
За богатство красок и за шум дубравы.
Очень ты мне осень по душе, по нраву.
Я брожу по тропкам, листья приминаю.
Жизни увяданья я не замечаю.

Все мне сердцу мило, грустно и тревожно,
Я рукой касаюсь веток осторожно.

Вот калина зреет, ягода лесная,
Всюду жизни буйство, без конца и края,
Только посыпает солью землю иней,
В лужах замерзает корочкою синей.

Скоро снег покроет саваном просторы,
В ледяном безмолвьи смолкнут разговоры,
Перестанет биться трепетно природа,
Осень, моя осень — злое время года!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОСЕНЬ

Плотно листья желтые к панели
Гвозди — капли дождевой воды —
Прибывают, чтоб не улетели
Ленинградской осени следы.

Дождь стучит по крышам, словно дятел,
Листьями опавшими шуршит,
Мягко ходит по плащу и шляпе,
Линий светлых струями дрожит.

Никого на улицах не встретишь,
Только мы с дождем идем вдвоем,
Если ты случайно нас заметишь,
Подходи, в компанию возьмем.

РУСЬ

Вокруг так бедно, так убого:
Березнячки, кусты, поля,
Петляет пыльная дорога
Через дворы и тополя.
Избенка серая одела,
Как шапка, крыша набекрень,
От солнца сникла, пожелтела
В саду развесистом сирень.
И мужичонка, раскорячась,
Качает пьяной головой.
Не то поет, не то он плачет.
Полумертвец, полуживой.
Мне жаль тебя до слез, родная,
Судьбой обиженная Русь,
Я ненавижу, я страдаю,
... Но от тебя не откажусь

ШУЛЬЦ С.С.

ПОТОМКИ ТОБКИ (из «Бестиария»)
Котята толстоносые
И песики пищащие,
Ох, как вы в душу смотрите
Глазенками блестящими.

Я полюбил вас исстари,
О, плюшевые зверики,
Я вас ласкаю, тискаю,

Я верю, верю, верю вам!

Уж вы-то не предатели
И не осведомители.
Храните нас, создатели,
Да только сохраните ли?
7 Апреля 1957

РОДИНА
Мир на крови, стократ омытый кровью'
Ты весь — насквозь — плод нашего труда.
Потупив взор, мы не ведем и бровью,
Когда кругом свирепствует беда.

Перекрестивши ужасы успехом.
На дыбе не встаем мы на дыбы.
Залиты каши беды бодрым смехом,
Достойны мы своей лихой судьбы.
21 ИЮНЯ 1959

СОБАКА (из «Бестиария»)

Собака лает, ветер носит,
Собака воеет на луну,
О чем-то плачет, что-то просит
Сама не зная почему.
Никто, брат, этого не знает,
Да и не стоит узнавать.
Но каждый воеет, каждый лает
И всем на это наплевать.
Давай же спрячемся носами
В ночную синь и желтизну,
И под пустыми небесами
Поплачем вместе на луну.

Алҗуеи
Жил на свете рыцарь бедный ...
На дороге заповедной
Он увидел — узнаешь
Бред бессвязный, крик победный,
Разворот скрижали медной
Или трепетную ложь?

Никакого нет начала!
Нет начала, нет конца!
Зазвенело, зазвучало,
И пропело, и промчало,
Опустив на мир забрало,
Мимо мира, где сияла
Только тень ее лица.

Все сожгла — и все сгорело.
И пошла душа без тела
Вечным путником брести
По дороге странной, дальней ...
Помнишь — в песенке печальной
Это вечное прости.
Стой же!

Вот она, дорога
Мимо страшного порога
В чумный мир мгновенных дел,
Краем бездны той скольжение
И звезда ... Добыча тленья,
Сказка, выдумка, предел!

Незабвенная, родная.
Может быть, теперь я знаю,
Может быть, смогу понять.
Что он видел на дороге —
Рыцарь бедный и убогий
У креста ... Но как сказать?

Нет, не скажешь!
Ты в ответе
Так держи, держи в секрете
Этот свет в твоём пути,
Эту пряжу: прах из праха!
Этот вызов миру страха
И последнее прости.
7 августа 1962

К ЧИТАТЕЛЮ
Спешим, спешим ... А для чего?
Спешим — и никакого прока.
Пустая мерная мороза
И дисциплины торжество.

Бежим куда-то, торопясь;
И все в уме: не опоздать бы
На чертов стул, на жабью свадьбу.
И страх смертельный мучит нас.

И мы бежим, бежим, бежим
По заколдованному кругу.
Теснясь, толкаясь друг о друга
Под хлест невидимой вожжи.

Бежим — и, тяжело дыша.
Хватаем ртами воздух влажный
С тех пор, как понеслись однажды.
Душа ... Какая там душа!

Бежим, бежим, бежим, бежим,
Мелькают люди, блики, пятна.
Почти легко, почти приятно,
Почти естественная жизнь.

И если мыло на боках —
Благословляем это мыло:
Оно давно на нас застыло.
Как лак на наших башмаках.

Оно — естественный режим.
(Не вспоминай про душу живу!)
А ну-ка живо, живо, живо!
Бежим, бежим, бежим, бежим ...
20 марта 1964

ГРАД СВЯТОГО ПЕТРА

Иосифу Бродскому, с любовью.

Ты — наш! Куда б нас не ссылали!
В изгнание, в странствиях, в глуши:
Мираж в балтийской серой дали,
Дом наших Муз, приют души!

Полустолица, полукрепость,
Полудворец, полутюрьма.
Весь соразмерность и нелепость,
Размах и цепь: как жизнь сама.

Преображенье нашей сути
В стране фасадов и чинов
Ты отразил в себе — до жути! —
Очарованье лживых снов.

Рассудок здесь преобладает
Над чувством: в этом весь секрет.
Он строит, мечется, мечтает.
Он сыт и, кажется, одет.

Спешит, серьезен, озабочен
В дождливой серой мутной мгле...
Чем он так занят? Что он хочет?
Чего он ищет на земле?

Вокруг него — его творенье.
Полузабыто им самим:
Невы державное теченье
И над Невой — четвертый Рим.

И, глядя ввысь, Евгений бедный
Все тот же видит ореол
И над квадригою победной
Парит Империи орел.

Санкт-Петербург! Взгляни в лицо нам,
Волшебный, дивный город мой!
Ну долго, долго ли еще нам
Именованье тебя тюрьмой?

Дохни свободой!
Пьян от счастья
Увижу твой приход, весна!
И здесь, у львов гранитных пастей,
Здесь, в цитадели самовластья
Помянут наши имена.
25 декабря 1964

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

Д. Л. и И. Г.

Вы к нам приходите друзьями
И нас целуете в уста.
Едите, пьете вместе с нами,
В глазах тепло и доброта.

Вы в кабинете, дома, в поле
Так дружелюбны и милы,

В час вечеринок и застолий,
Сдвигая с шутками столы.

Вы задаете нам вопросы —
Казалось бы, — о ерунде,
А утром пишете доносы
Или идете в КГБ.

24 февраля 1984